

Эллида.

Драма въ пяти актахъ

Генрика Ибсена.

Переводъ съ норвежскаго В. М. Спасской.

(Переводъ посвящается Маріи Николаевнѣ Ермоловой).

Къ представленію дозволено 13 декабря 1890 года № 5578.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Докторъ Вангель, увѣдннй врачъ.
Фру Эллида Вангель, его вторая жена.
Болетта,
Хильда, подростокъ } его дочери отъ перваго брака.
Профессоръ Арнхольмъ.
Лингстранъ.
Баллестедъ.
Незнакомецъ.
Молодые люди изъ города.
Туристы.
Сезонные посѣтители.

Дѣйствіе происходитъ мѣтомъ, въ маленькомъ городкѣ на берегу фьорда, въ сѣверной Норвегии.

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

Домъ доктора Вангеля съ большой крытой верандой на мѣво. Передъ домомъ и вокругъ него—садъ. Надъ верандой—флаштокъ. Направо въ саду бесѣдка со столомъ и стульями. На заднемъ планѣ плетень съ маленькой камиткой. За плетнемъ дорога вдоль берега. У дороги аллея. Изъ-за деревьевъ виднѣется фьордъ, а вдали тянутся высокія скалы и горныя вершины. Теплое, солнечное мѣтнее утро.

Баллестедъ, средннхъ лѣтъ, въ старой бархатной курткѣ и въ шляпѣ съ широкими полями, какія носятъ художники, стоитъ у флаштока и привязываетъ веревку. Флагъ лежитъ на землѣ. Нѣсколько поодаль отъ него—мольбертъ съ натянутымъ полотномъ. Рядомъ, на складномъ стулѣ, лежатъ кисти, палитра и ящикъ съ красками.

Болетта Вангель выходитъ изъ отворенной двери гостиной на веранду. Она дер-

житъ въ рукахъ большую вазу съ цвѣтами, которую ставитъ на столъ

Болетта. Ну что же, Баллестедъ, будетъ онъ у васъ свободно подниматься и спускаться? Баллестедъ. Конечно, фрѣкенъ *). Это пустое дѣло. Слѣбу спросить, вы ждете сегодня гостей?

Болетта. Да, мы ждемъ сегодня утромъ профессора Арнхольма. Онъ прѣѣхалъ въ городъ нынче ночью.

*) Фрѣкенъ — норвежское mademoiselle, миссъ Fräulein.

Баллестедъ. Арихольма? Позвольте. Вѣдь Арихольмонъ звали господина, который былъ здѣсь допашиниъ учителемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Болетта. Да. Это онъ и есть.

Баллестедъ. Вотъ какъ! Значитъ онъ опять завернулъ въ наши края.

Болетта. Поэтому-то намъ и хотѣлось бы привѣтствовать его флагонъ.

Баллестедъ. Да, да, это совершенно понятно. *(Болетта снова уходитъ въ гостиную.)*

Спустя нѣсколько времени на дорожку съ правой стороны показывается Лингстранъ и, увидѣвъ мольбертъ и принадлежности рисованія, останавливается заинтересованный. Онъ — худощавый молодой человекъ, бѣдно, но чисто одѣтый, съ виду слабого здоровья.

Лингстранъ *(изъ-за плетня)*. Добраго утра.

Баллестедъ *(обертывается)*. А! Добраго утра! *(Поднимаетъ флагъ.)* Ну вотъ онъ и взвился! *(Прикрѣпляетъ веревку и подходит къ мольберту.)* Добраго утра, почтеннѣйшій! Хотя я не имѣю удовольствія.

Лингстранъ. Вы навѣрно живописецъ? Не такъ-ли?

Баллестедъ. Да, разумеется. Почему бы мнѣ не быть и живописцемъ?

Лингстранъ. Да, я это вижу. Не позволите ли вы мнѣ войти на минутку въ садъ?

Баллестедъ. Вы, можетъ быть, желаете взглянуть на картину?

Лингстранъ. Да, мнѣ ужасно хотѣлось бы посмотреть ее.

Баллестедъ. О, пока вы еще ничего особеннаго не увидите. Но сдѣлайте милость, подойдите поближе.

Лингстранъ. Очень вамъ благодаренъ. *(Входитъ въ садовую калитку.)*

Баллестедъ *(рисуетъ)*. Видите, я срисовываю тотъ фюрдъ, между островами.

Лингстранъ. Да, да, я вижу.

Баллестедъ. Но не хватаетъ еще фигуры. Въ нашемъ городкѣ невозможно найти модели.

Лингстранъ. Такъ у васъ будетъ и фигура?

Баллестедъ. Да. Здѣсь, на переднемъ планѣ, будетъ лежать близъ рифа полуертвая ундина.

Лингстранъ. Почему жъ она должна быть полуертвая?

Баллестедъ. Она заблудилась и никакъ не выберется обратно въ море. И вотъ она лежитъ здѣсь и погибаетъ на мели, понимаете?

Лингстранъ. А, вотъ какъ!

Баллестедъ. Это здѣшняя хозяйка навела меня на мысль нарисовать подобную вещь.

Лингстранъ. А какъ назовете вы вашу картину, когда она будетъ готова?

Баллестедъ. Я думаю назвать ее: «Смерть Ундины».

Лингстранъ. Самое подходящее названіе. Съ такниъ сюжетомъ подъ руками вы навѣрно напишете что-нибудь очень хорошее.

Баллестедъ *(взглянувъ на него)*. Вы, можетъ быть, тоже художникъ?

Лингстранъ. Вы хотите сказать — живописецъ?

Баллестедъ. Да.

Лингстранъ. Нѣтъ, я не живописецъ. Но я навѣренъ сдѣлаться скульпторомъ. Меня зовутъ Гансъ Лингстранъ.

Баллестедъ. Такъ вы будете скульпторомъ? Что жъ, скульптура тоже славное искусство. Мнѣ сдается, что я раза два видѣлъ васъ на улицѣ. Давно вы у насъ гостите?

Лингстранъ. Нѣтъ, я пробылъ здѣсь не больше двухъ недѣль. Но я желалъ бы, если окажется возможнымъ, остаться здѣсь до конца лѣта.

Баллестедъ. Чтобъ пользоваться прелестями купальнаго сезона, да?

Лингстранъ. Мнѣ надо бы немножко укрѣпить свои силы.

Баллестедъ. А вы нездоровы?

Лингстранъ. Да, я дѣйствительно не совсѣмъ здоровъ. Но это ничуть не опасно. Что-то въ родѣ одышки — больше ничего.

Баллестедъ. Ба! Такіе пустяки! — Впрочемъ вамъ все-таки слѣдовало бы поговорить съ свѣдущимъ врачомъ.

Лингстранъ. Я думалъ посоветоваться при случаѣ съ докторомъ Вангелемъ.

Баллестедъ. Да, сдѣлайте это. *(Смотритъ на него.)* Опять идетъ пароходъ. И биткомъ набитый пассажирами. До какихъ громадныхъ размѣровъ развилась въ послѣдніе годы страсть къ путешествіямъ!

Лингстранъ. Да, мнѣ кажется, что дѣла здѣсь должны идти очень бойко.

Баллестедъ. Сезонныхъ посѣтителей здѣсь страшное множество. У меня часто является опасеніе, что нашъ милый городокъ утратитъ свой своеобразный отпечатокъ, благодаря всѣмъ этимъ иностранцамъ.

Лингстранъ. Вы здѣшній жеженецъ?

Баллестедъ. Нѣтъ. Но я акклиматизировался здѣсь. Я чувствую, что меня соединяютъ съ этимъ мѣстечкомъ и время, и привычка.

Лингстранъ. Такъ вы давно здѣсь живете?

Баллестедъ. Лѣтъ семнадцать, восемнадцать. Я пріѣхалъ сюда съ актерской группой Скиве. Но потомъ финансовыя дѣла наши запутались. И тогда группа распалась и разсѣялась на всѣ четыре стороны.

Лингстранъ. Но вы сами остались здѣсь?

Баллестедъ. Я остался. И это послужило къ моей выгодѣ. Дѣло въ томъ, доложу я вамъ, что въ то время я работалъ больше по декорационной части.

(Болетта выноситъ на веранду кресло-качалку и устанавливаетъ его.)

Болетта *(обращаясь въ сторону юстиной)*. Хильда, понзи-ка вышитую скамеечку, которую папа ставитъ себѣ подѣ ноги.

Лингстранъ *(подходитъ къ верандѣ и кланяется)*. Добраго утра, фрекентъ Вангель!

Болетта *(у перилъ)*. А! Это вы, господинъ Лингстранъ! Добраго утра. Извините меня—я сейчасъ. *(Входитъ въ домъ.)*

Баллестедъ. Вы знакомы съ здѣшнихъ семействомъ?

Лингстранъ. Очень мало. Я только мелькомъ встрѣчалъ барышень въ другихъ домахъ. А за тѣмъ, когда была въ послѣдній разъ музыка та «Проспектъ», мнѣ довелось поговорить немножко съ фру*) Вангель. Она пригласила меня бывать у нихъ.

Баллестедъ. Знаете что — вамъ слѣдовало бы поддерживать это знакомство.

Лингстранъ. Да я и собирался придти—сдѣлать, что называется, визитъ. Лишь бы мнѣ найти предлогъ.

Баллестедъ. Какой тамъ предлогъ. *(Смотритъ на живопись.)* Чертъ возьми! *(Собираетъ свои вещи.)* Пароходъ подошелъ къ самому песту. Я долженъ идти въ гостиницу! Можетъ быть я понадоблюсь кому-нибудь изъ вновь прибывшихъ. Дѣло въ томъ, доложу я вамъ, что я занимаюсь тоже стрижкой волосъ и парикмахерствомъ.

Лингстранъ. Какъ вы, однако, разносторонни!

Баллестедъ. Въ маленькихъ городахъ приходится акклиматизировываться въ различныхъ профессияхъ. Если вамъ когда-нибудь потребуется немножко—помады, напиритъръ, или что другое въ этомъ родѣ, то спросите прямо учителя танцевъ Баллестеда.

Лингстранъ. Учителя танцевъ?

Баллестедъ. Предсѣдателя «Общества духовой музыки», если вамъ угодно. Нынче вечеромъ у насъ концертъ на «Проспектъ». Прощайте,—прощайте! *(Захвативъ принадлежности рисованія, онъ уходитъ въ камитку и поворачиваетъ на живопись.)*

(Хильда выходитъ на веранду со скамеечкой. Болетта приноситъ еще букетъ цвѣттовъ. Лингстранъ кланяется Хильдѣ, стоя внизу, въ саду.)

Хильда *(у перилъ, говоритъ, не отвѣчая на его поклонъ)*. Болетта сказала мнѣ, что вы рѣшились сегодня войти къ намъ въ садъ?

Лингстранъ. Да, я осмѣлился войти на минутку.

Хильда. Вы вѣроятно теперь гуляли?

Лингстранъ. О нѣтъ,—сегодня мнѣ еще не пришлось сдѣлать настоящей прогулки.

*) Фру—норвежское сударыня, Gnädige Frau, madame.

Хильда. Такъ вы купались?

Лингстранъ. Да, я былъ на морѣ. Я видѣлъ тамъ вашу матушку. Она вошла въ свою купальню.

Хильда. О комъ это вы говорите?

Лингстранъ. О вашей матушкѣ.

Хильда. А, вотъ о комъ. *(Она ставитъ скамеечку передъ кресломъ.)*

Болетта *(какъ-бы желая прервать разговоръ)*. Не видали вы папиной лодки на фюрдѣ?

Лингстранъ. Да, я видѣлъ, кажется, парусную лодку, которая направлялась къ берегу.

Болетта. Это навѣрно былъ папа. Онъ навѣщалъ больныхъ на островахъ. *(Она приводитъ въ порядокъ разныя вещи на столѣ.)*

Лингстранъ *(поднимается немного по лестницѣ, ведущей на веранду)*. А! Какое у васъ тутъ великолѣпие, сколько цвѣттовъ!

Болетта. Да, не правда-ли, это красиво?

Лингстранъ. О, это прелестно. Точно у васъ дождь праздникъ.

Хильда. Да и вправду праздникъ.

Лингстранъ. Я почти былъ увѣренъ въ этомъ. Должно быть нынче день рожденія вашего батюшки.

Болетта *(останавливая Хильду)*. Ги-ги!

Хильда *(не обращая на это вниманія)*. Нѣтъ, мамъ.

Лингстранъ. А, вотъ какъ—вашей матушки.

Болетта *(тихо, разсерженная)*. Но, Хильда!

Хильда *(такъ же)*. Оставьте меня въ покоѣ! *(Лингстрану.)* Вы вѣроятно отправитесь теперь завтракать?

Лингстранъ *(спускаясь съ лестницъ)*. Да, мнѣ дѣйствительно надо пойти поѣсть чего-нибудь.

Хильда. Вы все еще довольны житиенъ въ гостиницѣ?

Лингстранъ. Я больше не живу въ гостиницѣ. Тамъ оказалось для меня слишкомъ дорого.

Хильда. Такъ гдѣ же вы теперь живете?

Лингстранъ. Я живу теперь на горѣ, у мадамъ Йенсенъ. Но теперь я пока прощусь съ вами и съ вашей сестрицей.

Болетта *(выходитъ на лестницу)*. Прощайте, прощайте, господинъ Лингстранъ. Вы въ самомъ дѣлѣ должны извинить насъ на сегодня. Но какъ-нибудь въ другой разъ—когда у васъ найдется свободное время—и когда вамъ только вадумается—пожалуйста приходите навѣстить папу и всѣхъ насъ.

Лингстранъ. Очень вамъ благодаренъ. Я приду съ большимъ удовольствіемъ. *(Онъ раскланивается и выходитъ въ садовую камитку. Проходя по дорожкѣ за плетнемъ на живопись, онъ еще разъ кланяется по направленію къ верандѣ.)*

Хильда *(столомаса)*. Адьё, мосьё! Будьте добры, поклонитесь отъ меня тетускѣ Йенсенъ.

Болетта (*тихо, хватая ее за руку*). Хильда, что это за шалости! Ты совсѣмъ съ ума сошла! Вѣдь онъ ногъ тебя слышать!

Хильда. Э, неужели ты думаешь, что я стану стѣсняться *этимъ!*

Болетта (*смотритъ направо*). Папа идетъ.

(Докторъ Вангель, одѣтый по-дорожному, съ маленькимъ сакъ-воляжемъ въ руку, показывается на тропинкѣ справа.)

Вангель. Ну вотъ я и опять съ вами, дѣвочки! (*Онъ входитъ въ калитку*.)

Болетта (*идетъ къ нему навстрѣчу въ садъ*). Ахъ, какъ это чудесно, что ты пришелъ.

Хильда (*тоже спускается въ садъ къ нему*). Ты теперь освобожденъ на весь день, папа?

Вангель. О нѣтъ, нѣтъ еще надо будетъ не-иного погоды сходить въ приенную. Скажите, — вы не знаете, пріѣхалъ-ли Архольмъ?

Болетта. Да, онъ пріѣхалъ нынче ночью. Мы послали узнать въ гостиницу.

Вангель. Такъ вы еще не видели его?

Болетта. Нѣтъ, но онъ навѣрно придетъ къ намъ предъ обѣдомъ.

Вангель. Да, безъ сомнѣнія придетъ.

Хильда (*тащитъ его съ собой*). Папа, посмотрѣ-ка теперь кругомъ себя.

Вангель (*смотря на веранду*). Да, да, я вижу, дитя мое. У васъ здѣсь совершенно праздничная обстановка.

Болетта. Да, не правда - ли, мы это много устроили?

Вангель. О да, конечно. Мы — мы теперь одни въ дождь?

Хильда. Да, она ушла.

Болетта (*быстро перебивая ее*). Мама пошла купаться.

Вангель (*бросаетъ ласковый взглядъ на Бо-летту и гладитъ ее по голове. Затѣмъ говоритъ нѣсколько нерышительно*). Но послушайте, дѣвочки, — вы такъ и оставите все это на цѣлый день? И флагъ тоже будетъ цѣлый день поднятъ?

Хильда. О, это же само собою разувѣтся, папа.

Вангель. Гм, конечно. Но видите-ли.

Болетта (*подмигивая ему*). Ты можешь вообразить себѣ, что мы устроили все это для профессора Архольма. Когда такой добрый пріятель пріѣзжаетъ въ первый разъ тебя провѣдать....

Хильда (*улыбается и держитъ его за мать*). Подумай только — бывший учитель Бо-летты, папа!

Вангель (*съ полуулыбкой*). Вы обѣ у меня настоящіе плутовки. Ахъ, Господи Боже, вѣдь въ сущности такъ естественно, что мы вспоминаемъ ту, которой нѣтъ больше среди насъ. Но все-таки... Возьми, Хильда (*отдаетъ ей сакъ-воляжъ*). Отнеси это въ приенную.... Нѣтъ,

дѣвочки, нѣтъ это не нравится. Не нравится са-мый способъ, вы понимаете? То, что мы та-кимъ образомъ каждый годъ... Да, но что-же можно сказать противъ этого! Какъ же сдѣ-лать иначе?

Хильда (*хочетъ пройти черезъ садъ на-мыво съ сакъ-воляжемъ, но останавливается, обертывается и указываетъ пальцемъ*). Посмотрите-ка на господина, который тамъ идетъ. Это навѣрно профессоръ.

Болетта (*смотритъ въ ту сторону*). Этого-то? (*Смѣется*.) Нѣтъ, до чего ты уморитель-на, Хильда! Неужели же ты думаешь, что этотъ совсѣмъ пожилой господинъ — Архольмъ?

Вангель. Постой, дитя. Я и въ самомъ дѣ-лѣ думаю, что это онъ. Конечно онъ, конечно!

Болетта (*смотритъ пристально, въ без-молвномъ изумленіи*). Да, видитъ Богъ, что и я начинаю это думать!

(Профессоръ Архольмъ, въ элегантномъ лѣтнемъ костюмѣ, въ золотыхъ очкахъ и съ тоненькой тросточкой, идетъ по дорож-кѣ съ твоей стороны. У него нѣсколько утом-ленный видъ. Онъ заглядываетъ въ садъ, приветливо кланяется и входитъ въ ка-литку.)

Вангель (*идетъ къ нему на встрѣчу*). Добро пожаловать, дорогой профессоръ! Сердечно радъ васъ видѣть на старомъ пепелищѣ!

Архольмъ. Благодарю, благодарю васъ, док-торъ Вангель. Тысячу разъ благодарю васъ. (*Они пожимаютъ другъ другу руки и идутъ вмѣстѣ черезъ садъ*.) А вотъ и дѣти! (*Прот-ягиваетъ имъ руки и смотритъ на нихъ*.) Я бы и не узналъ ихъ.

Вангель. О да, я думаю.

Архольмъ. Конечно не узналъ бы. Развѣ еще Болетту. Да, Болетту я бы пожалуй узналъ.

Вангель. Ну, едва-ли. Вѣдь ужъ восемь или девять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы въ послѣдній разъ ее видѣли. О да, за это время здѣсь произошло много переувѣнъ.

Архольмъ (*оглядываясь кругомъ*). Мнѣ, соб-ственно говоря, вовсе этого не кажется. За исключеніемъ того, что деревья порядочно под-росли — и что тамъ выстроена бесѣдка.

Вангель. О нѣтъ — такія-то наружныя пе-реувѣны...

Архольмъ (*улыбаясь*). И конечно того, что теперь у васъ въ дождѣ двѣ взрослые дочери-невѣсты...

Вангель. Ну, въ невѣсты годится пока еще только одна.

Хильда (*отмолоса*). Нѣтъ, послушайте толь-ко папу!

Вангель. Но я думаю, что намъ лучше бу-детъ расположиться на верандѣ. Тамъ прохлад-нѣе, чѣмъ здѣсь. Пожалуйста.

Архольмъ. Благодарю, благодарю васъ, док-

торь. *(Они поднимаются на веранду. Вангелъ усаживаетъ Архольма въ кресло-качалку.)*

Вангелъ. Ну вотъ. Теперь вы должны сидѣть спокойно и отдыхать. Вы въ самомъ дѣлѣ кажетесь нѣсколько утомленнымъ съ дороги.

Архольмъ. О, это ничего не значить. Здѣсь, въ этой обстановкѣ...

Болетта *(Вангелю)*. Не принести ли вамъ содовой воды и варенья въ гостиную? Здѣсь навѣрно скоро сдѣлается слишкомъ жарко.

Вангелъ. Отлично, отлично, дѣвочки. Принесите намъ содовой воды и варенья. Пожалуй и неиножко коньяку.

Болетта. И коньяку тоже?

Вангелъ. Неиножко. На тотъ случай, еслибъ кому-нибудь изъ васъ захотѣлось выпить глотокъ. ✕

Болетта. Хорошо. Хильда, носи же сакъ-воляжъ въ пріемную. *(Болетта входитъ въ гостиную и затворяетъ за собою дверь. Хильда беретъ сакъ-воляжъ и проходитъ черезъ садъ направо, обогнувъ домъ.)*

Архольмъ *(проводжающій взглядомъ Болетту)*. Дѣйствительно, обѣ дѣвочки выросли у васъ красавицы.

Вангелъ *(садится)*. Да, не правда-ли?

Архольмъ. Болетта просто поразила меня. Да и Хильда тоже. Но, что вы-то подѣлываете, милый докторъ? Думаете вы остаться здѣсь на всю жизнь?

Вангелъ. О да, вѣроятно такъ и будетъ. Вѣдь здѣсь я и родился и выросъ. Здѣсь наслаждался я такими глубокими счастьемъ съ тою, которая такъ рано покинула насъ,—съ тою, съ которой вы познакомились, когда въ послѣдній разъ были здѣсь, Архольмъ.

Архольмъ. Да, да.

Вангелъ. А теперь я такъ невыразимо счастливъ здѣсь съ той, которая заступила ея мѣсто. О, я могу сказать, что въ общемъ судьба была ко мнѣ милостива.

Архольмъ. Но у васъ нѣтъ дѣтей отъ второго брака?

Вангелъ. У насъ родился мальчикъ два — два съ половиной года тому назадъ. Но онъ недолго прожилъ. Онъ умеръ четырехъ — пяти мѣсяцевъ.

Архольмъ. Вашей супруги нѣтъ сегодня дома?

Вангелъ. Да, но она навѣрно скоро придетъ. Она купается. Она каждый Возій день ходитъ купаться въ эту пору. Какова — бы ни была погода.

Архольмъ. Она больна чѣмъ-нибудь?

Вангелъ. Не то чтобы больна. Правда, что нервы у нея чрезвычайно разстроились за эти послѣдніе годъ. По временамъ это бываетъ особенно замѣтно. Я рѣшительно недоумѣваю, что собственно съ ней дѣлается. Но видите-ли, хо-

дить къ морю—въ этомъ вся радость ея жизни.

Архольмъ. Я это помню съ давнихъ поръ.

Вангелъ *(съ почти неуловимой улыбкой)*. Да, вѣдь вы знакомы съ Эллидой еще съ того времени, когда вы были учителемъ въ Скольд-викѣ.

Архольмъ. Конечно. Она часто бывала въ пасторатѣ. А кромѣ того я по большей части заставлялъ ее дома, когда навѣщалъ ея отца на маякѣ.

Вангелъ. Повѣрите, что годы, проведенные тамъ, оставили на ней глубокой отпечатокъ. Здѣсь, въ нашемъ городкѣ, никакъ не могутъ понять этого. Ее называютъ «госпожей съ норм».

Архольмъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Вангелъ. Да. А потому — поговорите-ка съ ней о прошломъ, милый Архольмъ. Это подѣлываетъ на нее такъ благотворно.

Архольмъ *(смотритъ на него съ сомнѣніемъ)*. Есть-ли у васъ въ сущности какое-нибудь основаніе это думать?

Вангелъ. Конечно, есть.

(Голосъ Элиды слышится за садомъ, съ правой стороны: это ты, Вангелъ?)

Вангелъ *(встает)*. Да, дорогая-моя, это я. *(Фру Элида Вангелъ, въ большомъ легкомъ платкѣ, съ мокрыми волосами, распушенными по плечамъ, выходитъ изъ за деревьевъ, окружающаго бесѣдку. Профессоръ Архольмъ поднимается съ мѣста.)*

Вангелъ *(улыбается и протягиваетъ ей руки.)* Ну, вотъ и ундина.

Элида *(быстро всходитъ на веранду и беретъ его за руку)*. Слава Богу, я опять тебя вижу! Когда ты пріѣхалъ?

Вангелъ. Только сейчасъ. Нѣсколько минутъ тому назадъ. *(Указываетъ на Архольма.)* Но что же ты не здороваешься съ старыми знакомыми?

Элида *(подастъ руку Архольму)*. Наконецъ-то мы дождались васъ. Добро пожаловать. Извините, что меня не было дома.

Архольмъ. Ахъ, сдѣлайте милость, не церемоньтесь со мной.

Вангелъ. Что вода сегодня пріятная, свѣжая?

Элида. Свѣжая!? Воже, здѣсь вода никогда не бываетъ свѣжа. Она такая теплая, такая неподвижная. Вода въ этихъ фюрдахъ какая-то больная.

Архольмъ. Больная?

Элида. Да, больная. И мнѣ дуается, что отъ нея и люди дѣлаются больны.

Вангелъ *(улыбается)*. Ну, ты хорошо рекомендуешь наши купанья!

Архольмъ. Я скорѣе думаю, что вы, фру Вангелъ, совсѣмъ особенно относитесь къ морю и ко всему, что касается моря.

Элида. Да, пожалуй, что такъ. Я сама почти готова это думать. Но посмотрите, какъ

дѣвочки убрали веранду въ честь вашего приѣзда.

Вангель (*въ смущеніи*). Гм. (*Смотритъ на часы*.) Теперь мнѣ надо поскорѣе...

Арихольмъ. Неужели это въ самомъ дѣлѣ, ради меня?

Элида. Ну да, конечно. Вѣдь у насъ не каждый день такой парадъ. Уфъ, какъ ужасно жарко подъ этой крышей! (*Спускается въ садъ*.) Переходите сюда! здѣсь, по крайней мѣрѣ, чувствуется что-то похожее на нѣтерокъ. (*Она садится въ бесѣдку*.)

Арихольмъ (*идетъ туда же*). Мнѣ такъ кажется здѣсь совсѣмъ свѣжо.

Элида. Да, но вѣдь вы привыкли къ душному столичному воздуху. Вѣдь тамъ, какъ я слышала, бываетъ совсѣмъ нестерпимая жара лѣтомъ.

Вангель (*который тоже перешелъ въ садъ*). Теперь дорогая Элида, я попрошу тебя занять нашего добраго друга.

Элида. У тебя дѣла?

Вангель. Да, мнѣ надо сходить въ приемную. А потомъ надо будетъ и переодѣться, но я скоро вернусь.

Арихольмъ- (*садится въ бесѣдку*). Не горюпитесь, пожалуйста, любезный докторъ. Мы съ вашей супругой съуждемъ приятно провести время.

Вангель (*киваетъ ему*). О да—я въ этомъ увѣренъ. Ну, такъ до свиданія. (*Онъ выходитъ черезъ садъ на lawn*.)

Элида (*послѣ недолгого молчанія*). Не правда-ли, здѣсь хорошо сидѣть?

Арихольмъ. Мнѣ кажется очень хорошо.

Элида. Эта бесѣдка называется моею, потому что я велѣла ее выстроить, или вѣрнѣе, Вангель—для меня.

Арихольмъ. И здѣсь вы обыкновенно сидите?

Элида. Да, я провожу здѣсь большую часть дня.

Арихольмъ. Вѣроятно виѣстѣ съ дѣвочками?

Элида. Нѣтъ, дѣвочки—онѣ сидятъ на верандѣ.

Арихольмъ. А самъ Вангель?

Элида. О, Вангель переходитъ то туда, то сюда. Онъ сидитъ то здѣсь со мною, то тамъ, съ дѣтьми.

Арихольмъ. Вы сами желаете, чтобы такъ было?

Элида. Я думаю, что всѣ стороны этимъ довольны. Вѣдь мы можемъ переговариваться между собою,—если намъ иной разъ покажется, что намъ есть что сообщить другъ другу.

Арихольмъ (*послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія*). Когда судьба столкнула меня съ вами—тамъ, въ Сьвольдвикѣ—хочу я сказать—давно это было.

Элида. Цѣлыхъ десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы были въ нашей сторонѣ.

Арихольмъ. Да, около того. Но когда я себѣ представляю васъ тамъ, на маякѣ—«язычнику», какъ называлъ васъ старый пасторъ за то, что вашъ отецъ окрестилъ васъ, какъ онъ говорилъ, корабельнымъ *) именемъ, а не христіанскимъ, не человѣческимъ...

Элида. Ну да, такъ что же?

Арихольмъ. Какъ далеко былъ я тогда отъ мысли, что мнѣ придется свидѣться съ вами здѣсь, какъ съ фру Вангелъ.

Элида. Нѣтъ, вѣдь въ то время Вангель не былъ еще... Тогда еще была жива первая мать дѣвочекъ, то-есть, ихъ родная мать.

Арихольмъ. Конечно, конечно. Но еслибъ даже это было не такъ, еслибъ онъ даже былъ совершенно свободенъ,—никогда-бъ я не подумалъ, что это можетъ случиться.

Элида. И я тоже. Ни за что въ мирѣ—въ то время.

Арихольмъ. Вѣдь Вангель такой славный человѣкъ! Такой душевный! Онъ такъ искренно добръ и привѣтливъ ко всѣмъ.

Элида (*съ жаромъ*). Да, это совершенно вѣрно!

Арихольмъ. Но мнѣ кажется, что между ними и вами такая громадная разница!

Элида. Въ этомъ вы правы: онъ ничуть не похожъ на меня.

Арихольмъ. Но какъ же это сдѣлалось? Какъ же это сдѣлалось?!

Элида. Ахъ, любезный Арихольмъ. Не спрашивайте меня объ этомъ. Я не съужла бы вамъ это объяснить. Да еслибъ и съужла, то вы все-таки не могли-бы ничего понять изъ этого.

Арихольмъ. Гм. (*Нѣсколько тише*.) Вы ничего не говорили нашему мужу насчетъ меня? Я, конечно, подразумеваю ту тщетную попытку, которую я нѣкогда позволялъ себѣ сдѣлать.

Элида. Нѣтъ. Какъ можете вы это думать! Я ни слова не сказала ему о... о томъ, на что вы намекаете.

Арихольмъ. Я радъ это слышать. Меня нѣсколько угнетала мысль, что...

Элида. Вамъ нечего беспокоиться этимъ. Я сказала ему только одно,—что я—и это правда—очень расположена къ вамъ, и что вы были для меня самымъ преданнымъ и лучшимъ другомъ въ той сторонѣ.

Арихольмъ. Благодарю васъ за эти слова. Но скажите же мнѣ теперь, почему вы ни разу не писали мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ?

Элида. Я думала, что вамъ было бы, можетъ быть, больно получать письма отъ женщины, которая... которая не отозвалась на вашу любовь, какъ вы того желали. Вѣдь это было бы все равно, что растравлять старую рану... такъ мнѣ казалось.

*) Элида—корабль Фритюфа въ известной поэмѣ шведскаго поэта Тегнѣра. *Прим. перев.*

Арихольмъ. Гм,—да, да, вы, пожалуй, правы.

Элида. Но почему вы сами ни разу не написали мнѣ?

Арихольмъ (*смотритъ на нее и улыбается съ слабымъ упрекомъ*). Мнѣ? Мнѣ писать первому? Чтобъ меня еще, быть можетъ, заподозрили въ томъ, что я намѣренъ начать дѣло съизнова. Послѣ такого отказа, какой я получилъ?!

Элида. О, да, я это понимаю. Развѣ вы никогда послѣ того не думали о бракѣ съ другою?

Арихольмъ. Никогда. Я остался вѣренъ своимъ воспоминаніямъ.

Элида (*шутливымъ тономъ*). Ахъ, бросьте эти старыя печальныя воспоминанія! Вамъ, право, слѣдовало бы лучше подумать о томъ, какъ бы сдѣлаться счастливымъ супругомъ.

Арихольмъ. Въ такомъ случаѣ надо было бы дослѣзнить съ этикъ, фру Вангель. Вспомните только, вѣдь мнѣ—стыдно сказать—уже минуло тридцать семь лѣтъ.

Элида. Ну, такъ тѣмъ больше основанийъ торопиться! (*Послѣ нѣкотораго молчанія говоритъ серьезно, понизивъ голосъ*.) Но послушайте, любезный Арихольмъ, теперь я скажу вамъ одну вещь, которую я ни за что не открыла бы вамъ тогда, еслибъ даже дѣло шло о моей жизни.

Арихольмъ. Что же это такое?

Элида. Когда вы сдѣлали тщетную попытку, какъ вы давеча назвали это,—тогда я не могла дать вамъ иного отвѣта.

Арихольмъ. Я это знаю. Вы могли предложить мнѣ только вѣрную дружбу. Вѣдь я же это знаю.

Элида. Но вы не знаете того, что всѣ мои чувства и мысли принадлежали тогда другому.

Арихольмъ. Тогда?!

Элида. Да, именно тогда.

Арихольмъ. Но вѣдь это невозможно! Вы ошибаетесь относительно времени! Я думаю, что вы едва ли были знакомы тогда съ Вангелемъ.

Элида. Я говорю не о Вангелѣ.

Арихольмъ. Не о Вангелѣ? Но въ то время, тамъ, въ Скольдьявкѣ—я не припомню рѣшительно никого, кто могъ бы, по моимъ понятіямъ, сколько-нибудь привлечь ваше вниманіе.

Элида. О да, вы, конечно, правы. Вѣдь все это было дико до безумія.

Арихольмъ. Ну, такъ расскажите же мнѣ подробно объ этомъ.

Элида. О, вамъ достаточно знать, что я и тогда была несвободна. А теперь вы это вѣдь знаете.

Арихольмъ. А еслибъ вы были свободны?

Элида. Такъ что же?

Арихольмъ. Дали бы вы другой отвѣтъ на мое письмо?

Элида. Почему я знаю! Когда явился Вангель—отвѣтъ оказался другой.

Арихольмъ. Такъ къ чему же рассказывать мнѣ, что вы были несвободны?

Элида (*поднимается съ своего мѣста какъ бы въ страхъ и тревогѣ*). Потому что мнѣ надо же кому-нибудь довѣриться. Нѣтъ, нѣтъ, сидите.

Арихольмъ. Такъ вашему мужу ничего объ этомъ неизвѣстно?

Элида. Я съ самаго начала призналась ему, что мои мысли были одно время заняты другимъ. Больше онъ ничего не пожелалъ знать. И съ тѣхъ поръ мы никогда не касались этого предмета. Да, вѣдь, въ сущности это было ничто иное, какъ безуміе. Притомъ же это вскорѣ и разстроилось—то есть, до нѣкоторой степени.

Арихольмъ (*встаетъ*). Только до нѣкоторой степени?! Не совсѣмъ?!

Элида. Конечно совсѣмъ, конечно! О, Боже, это вовсе не то, что вы предполагаете, любезный Арихольмъ. Это нѣчто совершенно непостижимое. Я не знаю, какъ и рассказать вамъ это. Вы просто подумаете, что я была больна, или же—что я была совсѣмъ помѣшана.

Арихольмъ. Дорогая фрузъ*) теперь вы, право, должны высказаться до конца.

Элида. Хорошо! Я попытаюсь сдѣлать это. Какъ вы, человекъ разсудительный, объясните себѣ то, что... (*Она вымалываетъ изъ бесѣдки и обрываетъ рѣчь*.) Погодите немного, вотъ еще новый гость.

(*Лингстранъ идетъ по дорожкѣ слѣва и входитъ въ садъ. У него цѣпточъ въ петличкѣ, а въ рукѣ онъ держитъ большой, красивый букетъ, обернутый въ бумагу и перевязанный лентой. Онъ останавливается въ нѣкоторой нерѣшительности у веранды*.)

Элида (*показываясь изъ бесѣдки*). Вы ищите дѣвочекъ, господинъ Лингстранъ?

Лингстранъ (*обернувшись*). Ахъ, вы здѣсь, фрузъ? (*Кланяется и подходитъ ближе*.) Нѣтъ, я искалъ не барышень. Я искалъ васъ самихъ, фру Вангель. Вѣдь вы позволили мнѣ какъ-нибудь посѣтить васъ.

Элида. Конечно. Мы всегда рады васъ видѣть у себя.

Лингстранъ. Очень вамъ благодаренъ. И такъ какъ случилось такое счастливое совпаденіе, что какъ разъ нынче у васъ въ домѣ праздникъ.

Элида. Такъ вы ужь это знаете?

Лингстранъ. Какъ же! А потому я и осмѣливаюсь приподнести вамъ это. (*Онъ дѣлаетъ низкій поклонъ и подаетъ букетъ*.)

Элида (*улыбается*). Но,—любезнѣйшій господинъ Лингстранъ, развѣ не лучше будетъ,

*) Фрузъ, фру—норвежское сударыня, madame, Gnädige Frau.

если вы вручите эти прелестные цвѣты самому профессору Архольму? Вѣдь это собственно въ честь его...

Лингстранъ (*смотритъ нерышительно на жукъ обокъ*). Извините, — но я незнакомъ съ этимъ господиномъ. Вѣдь это только... Я пришелъ по случаю дня рожденія, фруэ.

Элида. Рожденя? Такъ вы ошиблись, господинъ Лингстранъ. Нынче у насъ въ домѣ лишь рожденя не празднуется.

Лингстранъ (*съ лукавой усмѣшкой*). О, и ужъ знаю. Но я не думалъ, что это содержится въ такой тайнѣ.

Элида. Что такое вы знаете?

Лингстранъ. Что нынче день вашего рожденя, фруэ.

Элида. Моего?

Архольмъ (*смотритъ на нее вопросительно*). Сегодня? Конечно, нѣтъ, конечно, нѣтъ.

Элида (*Лингстрану*). Какъ это вамъ пришло въ голову?

Лингстранъ. Это фрэвенъ Хильда выдала мнѣ секретъ. Я ужъ былъ сегодня здѣсь, такъ, на минутку, и спросилъ барышень, но какому случаю у нихъ нынче такой парадъ — и флагъ и цвѣты.

Элида. Ну, в что же?

Лингстранъ. Тогда фрэвенъ Хильда отвѣтила: потому что нынче день рожденя мамы.

Элида. Мамы? Ахъ, вотъ что!

Архольмъ. Ага! (*Она переахлыдывается съ Элидой*.) Такъ если молодому человѣку это уже извѣстно, фру Вангель...

Элида (*Лингстрану*). Да, разъ уже это сдѣлалось вамъ извѣстно, то...

Лингстранъ (*снова подаетъ букетъ*). Значитъ вы разрѣшаете мнѣ васъ поздравить?

Элида (*принимаетъ цвѣты*). Очень, очень благодарна вамъ. Будьте добры, присядьте, господинъ Лингстранъ. (*Элида, Архольмъ и Лингстранъ садятся въ бесѣдкѣ*.)

Элида. Это обстоятельство, — что нынче день моего рожденя — должно было оставаться въ тайнѣ, господинъ профессоръ.

Архольмъ. Разумѣется. Мы, непосвященные, не должны были принимать участія въ этомъ праздествѣ.

Элида (*положила букетъ на столъ*). Иneau такъ, — непосвященные.

Лингстранъ. Увѣряю васъ, что ни одна живая душа не узнаетъ объ этомъ отъ меня.

Элида. О, я говорю это не въ такомъ смыслѣ. — Но какъ ваше здоровье? Мнѣ кажется у васъ теперь лучше видъ, чѣмъ прежде.

Лингстранъ. Да, я тоже думаю, что поправился. А потомъ, въ будущемъ году, если я попаду въ вѣжныя страны...

Элида. Дѣвочки говорили, вы туда поѣдете.

Лингстранъ. Да, въ Бергенъ у меня есть благодѣтель, который обо мнѣ заботится. И

онъ обѣщаль, что поможетъ мнѣ въ будущемъ году.

Элида. Почему собственно онъ принимаетъ въ васъ участіе?

Лингстранъ. О, это случилось такъ необыкновенно удачно! Я былъ разъ въ плаваніи на одномъ изъ его кораблей.

Элида. Въ самомъ дѣлѣ! Такъ у васъ въ то время было влеченіе къ морю?

Лингстранъ. Нѣтъ, ни малѣйшаго влеченія. Но, когда моя мать скончалась, то отецъ не захотѣлъ, чтобъ я бездѣльничалъ дома. Вотъ онъ и послалъ меня въ море. Но на обратномъ пути мы потеряли крушеніе въ Британскомъ каналѣ. И это-то и принесло мнѣ счастье, потому что благодаря крушенію, я схватилъ свою болѣзнь — эту одышку. Я такъ долго лежалъ въ холодной, какъ ледъ, водѣ, пока не пришли и не спасли меня. Послѣ этого я и долженъ былъ распрощаться съ моремъ. Да, это было по истинѣ большою удачей.

Архольмъ. Вы полагаете?

Лингстранъ. Да. Потому что эта болѣзнь вѣдь вовсе не опасна. А теперь я могу сдѣлаться скульпторомъ, исполнить свое завѣтное желаніе. Подунать только, что я буду имѣть дѣло съ глиной, которая такъ покорно мнется между пальцами!

Элида. А что же вы будете дѣлать изъ глины? Морскихъ геніевъ и ундиновъ? Или быть можетъ древнихъ викинговъ?

Лингстранъ. Нѣтъ, ничего подобнаго. Какъ скоро мнѣ можно будетъ приступить къ работѣ, я попытаюсь создать большое произведеніе — то, что называется группой.

Элида. Хорошо. Но что же будетъ изображать эта группа?

Лингстранъ. О, нѣчто такое, что я самъ пережилъ.

Архольмъ. Да, да — вамъ лучше всего держаться этого пути.

Элида. Но что же это будетъ?

Лингстранъ. Я думаю, что это будетъ молодая жена моряка, которая лежитъ и спитъ необыкновенно тревожно. И ей снятся сны. Мнѣ думается, что я сбуду сдѣлать такъ, что по ея лицу будетъ видно, что ей снятся сны.

Архольмъ. А развѣ больше ничего не будетъ?

Лингстранъ. Какъ же, будетъ еще фигура. Ея мужъ, которому она изиѣнила, пока онъ былъ въ плаваніи. А онъ утонулъ въ морѣ.

Архольмъ. Какъ, вы говорите?

Элида. Онъ утонулъ?

Лингстранъ. Да. Онъ утонулъ во время морскаго путешествія. Но удивительно то, что онъ все-таки вернулся домой. Настала ночь. И вотъ онъ стоитъ у ея постели и смотритъ на нее. Онъ будетъ стоять передъ ней, промокшій до костей, какъ человѣкъ, котораго только что вытащили изъ воды.

Элида (*откидывается на спинку стула*). Это удивительно. (*Закрывает глаза*.) О, я вижу это такъ ясно, какъ будто бы это было на яву.

Арихольмъ. Но, какъ же это можетъ быть, господинъ, господинъ?... Вѣдь вы же сказали, что это будетъ нѣчто такое, что вы сами пережили?

Лингстранъ. Конечно, я и пережилъ это, нѣкоторые образы... такъ сказать...

Арихольмъ. Вы пережили то, что жертвецъ?

Лингстранъ. Ну, да, конечно, не прямо-таки пережилъ. Я говорю, разубѣтся, не о чѣмъ-нибудь такомъ, что пережито съ вѣшной стороны. Но все-таки...

Элида (*съ живымъ интересомъ*). Расскажите мнѣ все, что вамъ объ этомъ извѣстно. Мнѣ хочется узнать всѣ подробности этого происшествія.

Арихольмъ (*улыбается*). Да, это и въ самомъ дѣлѣ должно быть въ вашемъ вкусѣ. Рассказъ съ отпечаткомъ морскаго характера.

Элида. Какъ же это было, г. Лингстранъ?

Лингстранъ. Да вотъ какъ это было. Когда нашъ бригъ отплылъ на родину изъ города, называемаго Галифаксомъ, то намъ пришлось оставить своего боцмана въ тамошней больницѣ. На его мѣсто мы попробовали взять американца. Этотъ новый боцманъ...

Элида. Американецъ?

Лингстранъ. Да. Онъ выпросилъ разъ у капитана цѣлую кипу старыхъ газетъ и съ утра до ночи читалъ ихъ. Онъ говорилъ, что хочетъ выучиться по-норвежски.

Элида. Вотъ какъ!

Лингстранъ. Былъ однажды бурный вечеръ. Весь экипажъ находился на палубѣ, кромѣ боцмана и меня. Онъ вывихнулъ себѣ ногу, такъ что не могъ ступить. Мнѣ тоже нездоровилось, и я лежалъ на своей койкѣ. Такъ вотъ онъ сидѣлъ у люка и перечитывалъ старую газету.

Элида. Ну, дальше, дальше!

Лингстранъ. И пока онъ такъ сидѣлъ, вдругъ слышу я, что онъ словно какъ зарычалъ. Я взглянулъ на него и вижу, что онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно; а потомъ онъ началъ комкать и мять газету и наконецъ разорвалъ ее въ клочки. Но все это онъ продѣлалъ совершенно тихо, безъ всякаго шума.

Элида. И что же? Онъ сказалъ что-нибудь или ничего не говорилъ въ это время?

Лингстранъ. Онъ заговорилъ не сразу. Но ненного погода, онъ сказалъ какъ бы самъ себѣ: «Обвѣнчалась. Съ другимъ. Въ мое отсутствіе».

Элида (*закрываетъ глаза и говоритъ вполголоса*). Онъ сказалъ это?

Лингстранъ. Да. И представьте себѣ, онъ сказалъ это на чистомъ норвежскомъ языкѣ. Должно быть ему ужасно легко давались иностранные языки.

Элида. А что-жъ потомъ? Что случилось дальше?

Лингстранъ. Да, потомъ случилось нѣчто удивительное, чего я никогда въ жизни не забуду. Дѣло въ томъ, что онъ прибавилъ, совсѣмъ тихо на этотъ разъ: «Но она моя и будетъ моею. И за мной послѣдуетъ она, когда я вернусь за нею, какъ утопленникъ изъ морской пучины».

Элида (*наливаетъ себѣ стаканъ воды, ея рука дрожитъ*). Ахъ, какъ душно здѣсь сегодня!

Лингстранъ. И онъ сказалъ это такимъ властнымъ голосомъ, что мнѣ подумалось, что онъ въ состояніи и выполнить это.

Элида. Вы не знаете, что было съ нимъ потомъ?

Лингстранъ. О фруэ, его явѣрное нѣтъ больше въ живыхъ.

Элида (*постынно*). Почему вы это думаете?

Лингстранъ. Да вѣдь вскорѣ послѣ того мы потерпѣли кораблекрушеніе въ каналѣ. Я спасся въ большой лодкѣ съ капитаномъ и пятью другими людьми изъ экипажа. Штурманъ сбѣлъ въ шлюпку, туда же попалъ и американецъ и еще одинъ матросъ.

Элида. И о нихъ съ тѣмъ поръ ничего не слышали?

Лингстранъ. Ничего, ровно ничего, фруэ. Мой покровитель еще недавно упоминалъ объ этомъ въ письмѣ. Но потому-то у меня и явилось такое сильное желаніе изобразить это въ художественномъ произведеніи. Невѣрную жену моряка я вижу предъ собой, какъ живую, а также и истителя, который утонулъ и тѣмъ не менѣе вернулся съ моря на родину. Я вижу такъ ясно ихъ обонхъ.

Элида. Я тоже. (*Встаетъ.*) Пойдите теперь въ комнаты. Или лучше въ приенную, къ Вангелю. Здѣсь просто невыносимо душно! (*Она выходитъ изъ бесѣдки.*)

Лингстранъ (*который также поднимается съ своего мѣста*). Что касается меня, то я долженъ извиниться. Я пришелъ только на минуточку, по случаю вашего рожденія.

Элида. Ну, какъ вамъ угодно. (*Протягиваетъ ему руку.*) Прощайте, благодарю васъ за цвѣты. (*Лингстранъ раскланивается и выходитъ въ камитку нальво.*)

Арихольмъ (*встаетъ и подходитъ къ Элидѣ*). Я вижу, что вы очень приняли это къ сердцу, дорогая фру Вангель.

Элида. О, да, вы, конечно, можете это сказать, хотя...

Арихольмъ. Но въ сущности тутъ ничего нѣтъ такого, къ чему вы не должны бы быть подготовлены.

Элида (*смотритъ на него въ изумленіи*). Подготовлена?

Арихольмъ. Да, мнѣ такъ кажется.

Эллида. Подготовлена къ тому, чтобы чело-
вѣкъ вернулся? вернулся такимъ образомъ?

Арихольмъ. Но, ради Бога! Неужели этотъ
супасшедшій скульпторъ съ своей исторіей о
шкперѣ...

Эллида. Ахъ, любезный Арихольмъ, быть мо-
жетъ, онъ вовсе не такой супасшедшій.

Арихольмъ. Такъ значить эти рассказы о
кертвецѣ такъ взволновали васъ? А я-то ду-
малъ...

Эллида. Что вы думали?

Арихольмъ. Я, конечно, думалъ, что вы хо-
тели только замаскировать свое огорченіе. Я
думалъ, васъ мучить сдѣланное вами откры-
тіе, что въ домѣ, украдкой отъ васъ, справ-
ляется семейный праздникъ, что вашъ мужъ и
его дѣти живутъ воспоминаніями, въ которыхъ
вы не имѣете своей доли.

Эллида. О нѣтъ, нѣтъ. Пусть это остается
такъ, какъ есть! Я не имѣю никакого права
требовать, чтобы мой мужъ всецѣло принадле-
жалъ мнѣ одной.

Арихольмъ. Мнѣ такъ кажется, что вы имѣ-
ете право этого требовать.

Эллида. Да, но я все-таки его не имѣю.
Въ томъ-то и дѣло. Вѣдь и я живу отчасти
воспоминаніями, къ которымъ другіе не имѣютъ
доступа.

Арихольмъ. Вы! (Тихо.) Слѣдуетъ ли это
понять такъ, что вы... что вы въ сущности не
любите своего мужа?

Эллида. О нѣтъ, нѣтъ! всѣмъ своимъ серд-
цемъ полюбила я его! И потому-то именно это
такъ ужасно, такъ непонятно, до такой сте-
пени невообразно!

Арихольмъ. Довѣрьте же мнѣ ваше горе.
Откройтесь мнѣ вполне. Отчего бы вамъ этого
не сдѣлать, фру Вангель?!

Эллида. Не могу, дорогой другъ мой! Во
всякомъ случаѣ не могу теперь. Выть можетъ,
воздвѣе...

(Болетта выходитъ на веранду и спу-
скается въ садъ.)

Болетта. Папа идетъ изъ пріемной. Не съѣ-
ли намъ всѣмъ въ гостиной?

Эллида. Ну, что-жъ, пойдите!

(Вангель, переодѣвшись, идетъ съ Хильдой
съва, изъ-за дома.)

Вангель. Ну вотъ, теперь я совсѣмъ осво-
бодился! Пріятно будетъ выпить стаканчикъ
чего-нибудь прохладительнаго.

Эллида. Погоди немножко. (Она входитъ
въ бестюку и выноситъ букетъ.)

Хильда. Ахъ, посмотрите, посмотрите! Ка-
кіе прелестные цвѣты! Откуда ты ихъ достала?

Эллида. Мнѣ ихъ поднесъ скульпторъ Лнг-
странъ, шилая Хильда.

Хильда (озадаченная). Лнгстранъ?!

Болетта (съ безпокойствомъ). Развѣ Лнг-
странъ былъ здѣсь, былъ здѣсь опять?

Эллида (съ полуулыбкой). Да, онъ зашелъ
сюда съ этими букетами. По случаю дня рож-
денія, ты понимаешь?

Болетта (косясь на Хильду). А!

Хильда (шепчетъ). Дуракъ!

Вангель (съ мучительномъ замѣшатель-
ствомъ, Эллидѣ). Гм. Да, видишь-ли ты. Я
долженъ сказать тебѣ, моя шилая, добрая, моя
безпѣнная Эллида...

Эллида (перебивая его). Подите сюда, дѣ-
вочки! Мы поставимъ мои цвѣты въ воду виѣстѣ
съ вашими. (Поднимается на веранду.)

Болетта (тихо Хильдѣ). Въ сущности,
она, вѣдь, все-таки добрая!

Хильда (вполголоса, съ сердитой миной).
Пустая комедія! Она просто притворяется! Что-
бы еще больше понравиться папѣ.

Вангель (стоитъ на верандѣ и жметъ
руку Эллидѣ). Благодарю, благодарю тебя;
сердечно благодарю тебя за этотъ поступокъ,
Эллида!

Эллида (занимаясь цвѣтами). Полно, пол-
но! Отчего бы и мнѣ не принять участія въ
празднованіи дня рожденія мамы?

Арихольмъ. Гм. (Онъ поднимается на ве-
ранду, подходитъ къ Вангелю и Эллидѣ.
Болетта и Хильда остаются въ саду.)

ВТОРОЙ АКТЪ.

«Проспектъ» — поросшая кустарникомъ возвышенность за городомъ. На заднемъ планѣ
башиа съ флюгеромъ. Вокругъ башии и на переднемъ планѣ большіе камни, приспособ-
ленные для сидѣнья. Въ глубинѣ сцены виднѣется крайній фіордъ съ островами и ва-
дающими мѣсами. Открытаго моря не видно. Лѣтнія сумерки. Въ воздухѣ и на
вершинахъ скалъ, поднимающихся вдали, мерцаетъ желтокрасный свѣтъ. Внизу, на
холмахъ, съ правой стороны, слабо раздаются тихіе звуки четырехголоснаго пѣнія. Мо-
лодые люди изъ города, дамы и мужчины, выходятъ парами съ правой стороны и, ин-
тимно бесѣдуя между собою, проходятъ мимо башии и поворачиваютъ направо. Темною
спустя является Баллестедъ, который служитъ проводникомъ для компаніи иностран-
ныхъ туристовъ съ ихъ дамами. Онъ нагруженъ шальями и дорожными сумками.

Баллестедъ (*показываетъ наверхъ палкой*). Sehen Sie, meine Herrschaften — dort, дальше, liegt eine andere возвышенность. Wir wollen тоже ее besteigen, а потомъ опять herunter. (*Онъ продолжаетъ по-англійски и ведетъ общество наверхъ.*)

(Хильда быстро въбѣгаетъ съ откоса направо, останавливается и оглядывается назадъ. Немного погодя оттуда же является Болетта.)

Болетта. Но, милочка, зачѣмъ же намъ бѣжать отъ Лингстрана?

Хильда. Я терпѣть не могу такъ медленно взбираться по холмамъ. Смотри, смотри, какъ онъ ползетъ!

Болетта. Но вѣдь, ты знаешь, какъ онъ боленъ.

Хильда. Ты думаешь, что это очень опасно?

Болетта. Да, я серьезно это думаю.

Хильда. Вѣдь онъ былъ послѣ обѣда у папы. Хотѣлось бы мнѣ знать, какого мнѣнія папа о его болѣзни?

Болетта. Папа сказалъ мнѣ, что это отеки легкихъ, или что-то въ этомъ родѣ. Папа говорить, что онъ не долго проживетъ.

Хильда. Да, онъ сказалъ это? Представь себѣ, это какъ разъ то, что и я думала.

Болетта. Только, ради Бога, не показывай и виду, что ты знаешь это.

Хильда. О, какъ это можетъ предти тебѣ въ голову! (*Вполголоса.*) Смотри-ка, вотъ Гансъ, наконецъ, вскарабкался на гору. Гансъ! не правда ли, можно сразу угадать по его наружности, что его зовутъ Гансомъ?

Болетта (*шепчетъ ей*). Веди же себя прилично! Послушайся моего совѣта! (*Лингстранъ идетъ справа съ зонтикомъ въ руку.*)

Лингстранъ. Я долженъ просить у барышень извиненія, что не могъ поспѣть за ними.

Хильда. Вы ужъ и вонтикъ себѣ достали?

Лингстранъ. Это зонтикъ вашей матушки. Она сказала, чтобъ я опирался на него, такъ какъ я не захватилъ съ собою палки.

Болетта. Они еще внизу? Папа и остальная компанія?

Лингстранъ. Да. Вашъ батюшка пошелъ на минутку въ ресторанъ. А другіе остались на открытомъ воздухѣ и слушаютъ музыку. Но немного погодя они придутъ сюда наверхъ — такъ мнѣ сказала ваша матушка.

Хильда (*стоитъ и смотритъ на него*). Вы навѣрно очень утомились?

Лингстранъ. Да, мнѣ кажется, что я какъ будто усталъ немного. Я, право, думаю, что мнѣ лучше присѣсть на минутку. (*Онъ садится на камень, на переднемъ планѣ съ правой стороны.*)

Хильда (*стоитъ передъ нимъ*). Вы знаете, что на нижней площадкѣ будутъ потомъ танцы?

Лингстранъ. Да, я слышалъ, объ этомъ толковали.

Хильда. Не правда ли, танцовать очень весело? (*Болетта ходитъ по мужайкѣ и рветъ цвѣты.*)

Болетта. Ахъ, Хильда, дай же господину Лингстрану перевести духъ!

Лингстранъ (*Хильда*). Да, фрэнкѣ, я охотно сталъ бы танцовать, еслибъ только могъ.

Хильда. Вотъ какъ! Значитъ, вы никогда не учились танцовать?

Лингстранъ. Нѣтъ, и не учился. Но я говорю не объ этомъ. Я хотѣлъ сказать, что не могу танцовать потому собственно, что грудь у меня слаба.

Хильда. Ахъ, такъ ваша болѣзнь мѣшаетъ вамъ танцовать?

Лингстранъ. Да, именно.

Хильда. Вамъ очень грустно, что вы больны?

Лингстранъ. О, нѣтъ, я никакъ не могу сказать этого. (*Улыбается.*) Мнѣ кажется, что, благодаря именно моему болѣзни, всѣ такъ милы, такъ привѣтливы и такъ добры со мной.

Хильда. Да, и къ тому же, это, вѣдь, вовсе не опасно?

Лингстранъ. Нѣтъ, нисколько не опасно. Я это такъ хорошо понялъ изъ словъ вашего батюшки.

Хильда. И это пройдетъ, какъ только вы отправитесь путешествовать.

Лингстранъ. Разумеетсяъ пройдетъ.

Болетта (*съ цвѣтами*). Посмотрите, господинъ Лингстранъ,—эти цвѣты вы должны воткнуть себѣ въ петличку.

Лингстранъ. Ахъ, тысячу разъ благодарю васъ, фрэнкѣ! Вы, право, слишкомъ добры!

Хильда (*смотритъ внизъ направо*). Вотъ они идутъ по нижней дорогѣ.

Болетта (*тоже смотритъ внизъ*). Знаютъ ли они, гдѣ повернуть? Нѣтъ, вотъ они пошли не туда.

Лингстранъ (*встаетъ*). Я добѣгу до поворота и закричу имъ.

Хильда. Такъ вамъ придется очень громко крикнуть.

Болетта. Нѣтъ, не стоитъ, вы только опять устанете.

Лингстранъ. О, внизъ спускаться такъ легко. (*Уходитъ направо.*)

Хильда. Да, внизъ, конечно, легко. (*Смотритъ ему вслѣдъ.*) Гляди, онъ даже въ прыжку побѣжалъ. И не думаетъ о томъ, что ему надо будетъ опять подниматься.

Болетта. Вѣднѣй молодой человекъ.

Хильда. Еслибъ Лингстранъ къ тебѣ посватался, вышла бы ты за него?

Болетта. Что ты съ ума сошла!

Хильда. О, я, конечно, хочу сказать — въ

тотъ случаѣ, еслибѣ онъ не былъ боленъ—и еслибѣ онъ не долженъ былъ умереть такъ скоро. Вышла бы ты тогда за него?

Болетта. Мнѣ кажется, лучше было бы, еслибѣ ты за него вышла.

Хильда. Я? Нѣтъ,—еслибѣ даже и хотѣла. Вѣдь у него ничего нѣтъ за душой. Ему и самому-то не на что жить.

Болетта. Такъ почему же ты вѣчно съ нимъ носишься?

Хильда. О, только изъ-за его болѣзни!

Болетта. Я вовсе не замѣтила, чтобъ ты жалѣла его.

Хильда. Нѣтъ, я вовсе и не жалѣю его; но мнѣ кажется, это такъ завлекательно!

Болетта. Что такое?

Хильда. Смотрѣть на него, и заставлятъ его рассказывать, что это не опасно и что онъ отправится за-границу и сдѣлается художникомъ. Всею этому онъ такъ вѣритъ и такъ искренно радуется. И все-таки ничего этого не будетъ—никогда, никогда не будетъ! Потому что ему недолго осталось жить. По моему, такъ интересно думать объ этомъ!

Болетта. Интересно?

Хильда. Да, по моему это именно интересно. Я сознаюсь въ этомъ!..

Болетта. Фи, Хильда, ты, право, гадкая дѣвочка!

Хильда. Я и хочу быть гадкой. На зло хочу быть гадкой! (*Смотритъ внизъ*.) Ну, наконецъ! Арихольмъ, кажется, не охотникъ лазить по горамъ. (*Обернувшись*.) Да, въ самомъ дѣлѣ, знаешь, что я замѣтила у Арихольма за обѣдомъ?

Болетта. Ну?

Хильда. Представь себѣ—у него начинаютъ гнѣть волосы—здѣсь на самой макушкѣ.

Болетта. Вотъ вздоръ! Это не можетъ быть.

Хильда. Право же. А потомъ, тутъ, около глазъ, у него морщины. Боже мой, и какъ это ты могла, Болетта, такъ влюбиться въ него, когда онъ давалъ тебѣ уроки!

Болетта (*улыбается*). Да, можешь ты это объяснить себѣ? Я помню, какъ я заливалась горькими слезами, только потому что онъ сказалъ, что Болетта—некрасивое имя.

Хильда. Да, подумай только! (*Опять смотритъ внизъ*.) Нѣтъ, посмотри-ка сюда, посмотри! вотъ «госпожа съ моря» идетъ и бесѣдуетъ съ нимъ, а не съ папой. Ужъ мнѣ кажется, что они, пожалуй, равнодушны другъ къ другу.

Болетта. Ну, какъ тебѣ не стыдно, какъ тебѣ не стыдно! Какъ можешь ты говорить о ней такія вещи! Все было такъ уладилось между нами...

Хильда. Ну да, воображай себѣ это, голубушка! О нѣтъ, повѣрь мнѣ, что никогда мы съ нею не поладимъ. Дѣло въ томъ, что

она вовсе къ намъ не подходитъ. Да и мы не подходимъ къ ней. И для чего только папа притащилъ ее къ намъ въ домъ! Я нисколько не удивлюсь, если она въ одинъ прекрасный день возьметъ да и сойдетъ съ ума.

Болетта. Сойдетъ съ ума. Какъ это можетъ придти тебѣ въ голову!

Хильда. О, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Вѣдь ее мать тоже была помѣшана. Она такъ и умерла сумасшедшей. Я это знаю.

Болетта. Да, Богъ знаетъ, куда только ты не суешь свой носъ. Но, пожалуйста, не болтай, по крайней мѣрѣ объ этомъ. Будь мила—ради папы. Слышишь, Хильда?!

(Вангель, Элида, Арихольмъ и Лингстранъ *входятъ навстрѣчу справа*.)

Элида (*указываетъ вдаль*). Море тамъ.

Арихольмъ. Да, это вѣрно! Оно должно быть въ этомъ направленіи.

Болетта (*Арихольму*). Не правда ли, что это красивое мѣстечко?

Арихольмъ. Чудесное, по моему. Видъ великолепный.

Вангель. Да, вѣдь вы, должно быть, никогда не бывали здѣсь раньше.

Арихольмъ. Никогда. Да врядъ ли и можно было пробраться сюда въ мое время. Тогда не было даже тропинки.

Вангель. Не было и парка. Все это устроено въ послѣдніе годы.

Болетта. А дальше, на Лодсколлѣ, видъ еще величественнѣе, чѣмъ здѣсь.

Вангель. Не пойди ли намъ туда, Элида?

Элида (*садится на камень, съ правой стороны*). Нѣтъ, я не пойду. Но вы ступайте, а я пока посижу здѣсь.

Вангель. Такъ я останусь съ тобой. Вѣдь дѣвочки съумѣютъ показать господину Арихольму здѣшнія мѣста.

Болетта. Хотите идти съ нами, г. Арихольмъ?

Арихольмъ. Съ большимъ удовольствіемъ. Туда тоже проложена дорога?..

Болетта. О да, славная, широкая дорожка.

Хильда. Дорожка настолько широка, что по ней могутъ свободно пройти два человѣка рука объ руку.

Арихольмъ (*шутливо*). Да, вы полагаете, маленькая фркенъ Хильда? (*Болеттѣ*.) Не убѣдятся ли намъ съ вами на опытъ, правду ли она говоритъ?

Болетта (*подавляя улыбку*). Отчего же? Пойдемте. (*Они проходятъ подъ руку матери*.)

Хильда (*Лингстрану*). А мы тоже пойдемъ?..

Лингстранъ. Подъ руку?

Хильда. Почему бы и нѣтъ? Я охотно пошла бы.

Лингстранъ (*беретъ ее подъ руку и весело*

смыется). Ахъ, это просто до смѣшнаго забавно!

Хильда. До смѣшнаго?

Лингстранъ. Ну да, это ифѣтъ точъ въ точъ такой видъ, какъ будто бы мы съ вами женихъ съ невѣстой.

Хильда. Вамъ вѣрно никогда раньше не приходилось прогуливаться подь руку съ дамами, г. Лингстранъ? (*Они проходятъ нальво*).

Вангель (*стоитъ у башины*). Дорогая Эллида, наконецъ - то мы можемъ провести нѣсколько минутъ вдвоемъ...

Эллида. Да, поди сюда, сядь возлѣ меня.

Вангель (*садится*). Здѣсь такъ тихо и уединенно. Мы можемъ тутъ поговорить съ тобой.

Эллида. О чемъ?

Вангель. О тебѣ. А также и о нашихъ отношеніяхъ, Эллида. Я вижу, что они не могутъ такъ продолжаться.

Эллида. Что же должно замѣнить ихъ по твоему?

Вангель. Полное довѣріе, дорогая моя. Совѣстная жизнь, какъ это было прежде.

Эллида. О, еслибъ это было возможно! Но вѣдь это совершенно немыслимо!

Вангель. Мнѣ кажется, я понимаю тебя. Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ, которыя у тебя порою вырываются, я думаю, что понимаю тебя.

Эллида (*порывисто*). Нѣтъ, нѣтъ! Не говори, что ты понимаешь...

Вангель. Конечно, понимаю. Ты честная натура, Эллида. У тебя прямая душа.

Эллида. Да, это правда.

Вангель. Только такія отношенія могутъ сдѣлать тебя спокойной и счастливой, гдѣ чувство всецѣло и безраздѣльно принадлежитъ тебѣ.

Эллида. (*съ напряженнымъ вниманіемъ смотритъ на него*). А, вотъ ты о чемъ!

Вангель. Быть второй женой тебѣ не по характеру.

Эллида. Почему заговорилъ ты объ этомъ?

Вангель. Это часто мелькало у меня, какъ смутная догадка. Сегодня это сдѣлалось для меня совершенно ясно. Праздникъ, устроенный дѣтьми въ память ихъ матери... Ты увидала во мнѣ, какъ бы ихъ сообщника. Ну да, человекъ не можетъ вырвать съ корнемъ своихъ воспоминаній; я, по крайней мѣрѣ, не могу, я на это не способенъ.

Эллида. Я знаю это, о, я хорошо знаю это.

Вангель. Но ты все-таки ошибаешься. Ты смотришь на это чуть ли не такъ, какъ будто бы мать моихъ дѣтей была еще жива, какъ будто бы она незримо присутствовала среди насъ. Ты думаешь, что мое сердце раздѣлено между тобой и ею. Это-та мысль и возмущаетъ тебя. Ты видишь, какъ бы нѣчто безнравственное въ нашихъ отношеніяхъ. И потому-

то ты и не можешь, или не хочешь больше быть для меня женой.

Эллида (*встаетъ*). Ты видѣлъ все это, Вангель? Ты заглянулъ такъ глубоко?

Вангель. Да, сегодня я заглянулъ, наконецъ, въ самую глубь, до самаго дна.

Эллида. До самаго дна, говоришь ты? Ахъ, не думай этого!

Вангель (*встаетъ*). Я отлично знаю, что это еще не все, дорогая Эллида.

Эллида (*съ страхомъ*). Ты знаешь, что это не все?!

Вангель. Да, я знаю, ты не выносишь здѣшней обстановки: скалы давятъ и гнѣсать тебя; здѣсь для тебя слишкомъ мало свѣта; здѣсь горизонтъ недостаточно широкъ, вѣтеръ не такъ силенъ и стремителенъ.

Эллида. Въ этомъ ты совершенно правъ. И днемъ и ночью, и лѣтомъ и зимою, меня не покидаетъ эта тоска, эта неудержимая тоска по морю.

Вангель. Я хорошо знаю это, дорогая Эллида. (*Положитъ руку на ея голову*.) И потому бѣдное, больное дитя снова вернется на родину.

Эллида. Какъ такъ?

Вангель. Совершенно просто: мы переѣдемъ.

Эллида. Переѣдемъ?!

Вангель. Да, переѣдемъ куда-нибудь къ открытому морю, поселимся въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ты могла бы себя чувствовать совсѣмъ хорошо и привольно, какъ въ родной сторонѣ.

Эллида. О, милый, никогда не думай объ этомъ! Это совершенно невозможно. Только здѣсь ты и можешь быть счастливъ.

Вангель. Пусть будетъ, что будетъ. И притомъ неужели ты думаешь, что я могу быть счастливъ здѣсь, безъ тебя?

Эллида. Но вѣдь я здѣсь. И останусь здѣсь. Вѣдь я твоя!

Вангель. Моя ли ты, Эллида?

Эллида. О, оставь это! Вѣдь здѣсь все то, для чего ты живешь и дышешь. Вся задача твоей жизни именно здѣсь.

Вангель. Пусть будетъ, что будетъ, — говорю я. Мы переѣдемъ отсюда. Переѣдемъ къ морю. Это рѣшено безповоротно, дорогая Эллида.

Эллида. Но что же мы бы этииъ выиграли?

Вангель. Къ тебѣ вернулось бы здоровье и душевный покой.

Эллида. Едва ли. Но ты самъ? подумай же и о себѣ. Что выиграешь ты этииъ ты?

Вангель. То, что ты вновь бы сдѣлалась моею, дорогая.

Эллида. Но это невозможно! Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно, Вангель! Это - то и ужасно, это-то и приводитъ меня въ отчаяніе.

Вангель. Мы это испытаемъ. Если здѣсь тебя мучаютъ подобныя мысли, то право же для

тебя нѣтъ много спасенія, какъ уѣхать отсюда. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Ты слышишь, это рѣшено безповоротно.

Эллида. Нѣтъ, Богъ свидѣтель, что мнѣ ужь лучше все рассказать тебѣ, все какъ есть.

Вангель. Да, да, сдѣлай это!

Эллида. Ты не долженъ дѣлать себя несчастнымъ ради меня. Тѣмъ болѣе, что это все равно намъ не поможетъ.

Вангель. Теперь ты дала мнѣ слово, что все расскажешь мнѣ, — все, какъ есть.

Эллида. Я расскажу тебѣ это, какъ увижу, и такъ, какъ это мнѣ представляется. Поди сюда, сядь возлѣ меня. (Они садятся на камни.)

Вангель. Ну, Эллида, и такъ...

Эллида. Въ тотъ день, какъ ты явился ко мнѣ и спросилъ меня, могу и хочу ли я сдѣлаться твоей женой, ты такъ честно и открыто говорилъ со мной о своемъ первомъ бракѣ; ты сказалъ мнѣ, что былъ такъ счастливъ въ немъ.

Вангель. Это совершенная правда.

Эллида. Да, да, я вѣрю тебѣ, милый. И не потому завела я рѣчь объ этомъ. Я хотѣла только напомнить тебѣ, что и я съ своей стороны была искренна со тобою. Вѣдь я ничуть не утаила отъ тебя, что и я разъ въ своей жизни любила другаго. Что у насъ было нѣчто—нѣчто вродѣ обрученія.

Вангель. Вродѣ?

Эллида. Да, нѣчто подобное. Но вѣдь это такъ не долго продолжалось. Онъ уѣхалъ. А потомъ, я взяла свое слово назадъ. Все это я тебѣ рассказала.

Вангель. Но, дорогая Эллида, зачѣмъ поднимашь ты эти воспоминанія? Въ сущности вѣдь это меня вовсе не касалось. И я даже никогда и не спрашивалъ тебя, кто этотъ человекъ.

Эллида. Да, ты не спрашивалъ меня объ этомъ. Ты всегда такъ деликатенъ ко мнѣ!

Вангель (улыбается). О, въ этомъ случаѣ вѣдь я могъ приблизительно самъ сказать себѣ его имя.

Эллида. Имя?

Вангель. Въ Скольдвикѣ и его окрестностяхъ не очень-то много было людей, на которыхъ могли бы остановиться мои догадки. Или, собственно говоря, былъ только одна единственный человекъ.

Эллида. Ты вѣрно думаешь, что это былъ Архольмъ?

Вангель. Да. Развѣ же не онъ?

Эллида. Нѣтъ.

Вангель. Не онъ? Ну, въ такомъ случаѣ, я положительно недоумѣваю.

Эллида. Понимашь ты, какъ разъ поздней осенью въ Скольдвикѣ зашелъ большой американскій корабль, потерпѣвшій аварію?

Вангель. Да, я это хорошо помню. На этотъ саяонъ корабль въ одно прекрасное утро капитанъ былъ найденъ убитымъ въ каютѣ. Я былъ тамъ и производилъ вскрытіе трупа.

Эллида. Да, ты ѣздилъ туда.

Вангель. Его навѣрно убилъ младшій штурманъ.

Эллида. Этого никто не можетъ утверждать! Это вовсе не было доказано.

Вангель. И все-таки это не подлежитъ сомнѣнію. Иначе зачѣмъ же ему было тониться?

Эллида. Онъ не утопился. Онъ уѣхалъ на корабль направлявшемся къ сѣверу.

Вангель (озадаченный) Откуда ты это знаешь?

Эллида (отъезжая надъ собою усмѣе). Ну да, Вангель,—вѣдь съ этимъ младшимъ штурманомъ я и была—обручена.

Вангель (вскакиваетъ съ мѣста). Что ты говоришь? Какъ это возможно?

Эллида. Да—именно съ нимъ.

Вангель. Но ради Бога, Эллида! Какъ это могло придти тебѣ въ голову? Взять да обручиться съ такимъ человекомъ, совсѣмъ чужимъ здѣсь, никому невзвѣстнымъ? Какъ же звали его?

Эллида. Въ то время онъ называлъ себя Фрнманомъ. Потомъ, въ письмахъ, онъ подписывался «Альфредъ Джонстонъ».

Вангель. А откуда онъ былъ родомъ?

Эллида. Онъ говорилъ, что изъ Финляндіи. Впрочемъ, родился то онъ въ Финляндіи. Онъ выселился еще ребенкомъ,—кажется, съ своимъ отцомъ.

Вангель. Стало быть,—чухонецъ?

Эллида. Да, такъ вѣдь ихъ вазываютъ.

Вангель. Что ты еще знаешь о немъ?

Эллида. Только то, что онъ рано сдѣлался морякомъ, и что онъ много путешествовалъ.

Вангель. И ничего больше?

Эллида. Нѣтъ. Намъ никогда не приходилось разговаривать о подобныхъ вещахъ.

Вангель. О чемъ же вы разговаривали?

Эллида. Мы больше говорили о морѣ.

Вангель. А, вотъ какъ! О морѣ?

Эллида. О штормѣ и штилѣ. О темныхъ ночахъ на морѣ. А также и о морѣ въ лучезарные солнечные дни. Но больше всего говорили мы о китахъ, о дельфинахъ и о тюленяхъ,

которые лежатъ обыкновенно на утесахъ въ теплые полуденные часы. Еще говорили мы о чайкахъ, объ орляхъ и всякихъ другихъ птицахъ, какихъ мы видали. Представь себѣ, развѣ это не удивительно? Когда мы говорили о такихъ вещахъ, мнѣ чудилось, будто и морскіе звѣри, и морскія птицы сродни ему.

Вангель. А ты сама?

Эллида. Да, мнѣ почти казалось, что и я становлюсь сродни имъ всѣмъ.

Вангель. Да, да. И такимъ образомъ ты, наконецъ, обручилась съ нимъ?

Элида. Да, онъ, сказалъ, что я должна была это сдѣлать.

Вангель. Должна? Развѣ у тебя не было тогда своей воли?

Элида. Не было, пока онъ былъ около нея. О! впоследствии это казалось мнѣ совершенно непостижимымъ.

Вангель. Часто ты видалась съ нимъ?

Элида. Нѣтъ, не особенно часто. Разъ онъ пришелъ къ намъ, чтобъ осмотрѣть маякъ. Тутъ я съ нимъ и познакомилась. Послѣ того мы изрѣдка встрѣчались. Но затѣмъ произошла эта исторія съ капитаномъ. И тогда онъ, конечно, долженъ былъ уѣхать.

Вангель. Да, да. Расскажи же мнѣ объ этомъ подробнѣе!

Элида. Это было утромъ, на самомъ разсвѣтѣ. Я получила отъ него записку. Въ ней онъ писалъ, чтобъ я вышла къ нему въ Браттгаммеръ, ты знаешь, къ этому мысу между маякомъ и Скъольдвикомъ?

Вангель. Конечно, конечно, я отлично знаю его.

Элида. Онъ писалъ, чтобъ я немедленно пришла туда, потому что ему надо переговорить со мною.

Вангель. И ты пошла?

Элида. Да, я не могла не пойти. Ну, тогда онъ сообщилъ мнѣ, что зарѣзалъ капитана.

Вангель. Такъ онъ самъ сказалъ это? Прямо въ этомъ сознался?

Элида. Да, но по его словамъ, онъ сдѣлалъ только то, что ему предписывала честь и справедливость.

Вангель. Честь и справедливость! За что же собственно онъ зарѣзалъ его?

Элида. Этого онъ не хотѣлъ открыть мнѣ. Онъ говорилъ, что мнѣ не слѣдуетъ этого знать.

Вангель. И ты такъ-таки и повѣрила ему на слово?

Элида. Да, я и не думала сомнѣваться. Какъ бы то ни было, онъ долженъ былъ уѣхать. Но прежде чѣмъ проститься со мной... Нѣтъ, ты никогда не догадаешься, что онъ сдѣлалъ.

Вангель. Что же, скажи мнѣ!

Элида. Онъ вынулъ изъ кармана кольцо отъ ключей и снялъ затѣмъ съ пальца перстень, который постоянно носилъ. У меня онъ тоже взялъ колечко, которое было у меня на рукѣ. Оба ихъ онъ надѣлъ на кольцо отъ ключей и сказалъ, что теперь мы должны обручиться съ моремъ.

Вангель. Обручиться?

Элида. Да, онъ сказалъ такъ. И съ этими словами онъ со всего розноха бросилъ кольца въ самую глубь моря.

Вангель. А ты, Элида, ты согласилась на это?

Элида. Да, представь себѣ, мнѣ казалось въ то время, что все это такъ и должно было быть. Но, слава Богу, послѣ того онъ уѣхалъ.

Вангель. Ну, а потомъ, когда онъ исчезъ?

Элида. О, само собою разумѣется, что я не замедлила опомниться. Я поняла, насколько все это было безумно и бессмысленно.

Вангель. Но ты говорила раньше о письмахъ. Значитъ, онъ послѣ того писалъ тебѣ?

Элида. Да, онъ писалъ мнѣ. Сначала я получила отъ него нѣсколько строкъ изъ Архангельска. Онъ кратко писалъ мнѣ, что хочетъ переправиться въ Америку, и вѣстѣ съ тѣмъ указывалъ мнѣ, куда я должна была послать ему отвѣтъ.

Вангель. И ты отвѣтила ему?

Элида. Тотчасъ же. Я, конечно, написала, что все между нами должно быть кончено, чтобъ онъ не думалъ больше обо мнѣ, какъ и я никогда больше не буду думать о немъ.

Вангель. Что-же, онъ все-таки еще разъ написалъ тебѣ?

Элида. Да, онъ написалъ еще разъ.

Вангель. Что-жь онъ отвѣтилъ на то, что ты ему сообщила?

Элида. Ни слова въ отвѣтъ на это. Какъ будто-бы я вовсе не порвала съ нимъ. Онъ писалъ совершенно спокойно и хладнокровно, чтобъ я дожидалась его. Что онъ дастъ мнѣ знать, когда ему можно будетъ принять меня къ себѣ, и чтобъ тогда я немедленно отправилась къ нему.

Вангель. И такъ, онъ не хотѣлъ отказаться отъ тебя?

Элида. Не хотѣлъ. Тогда я опять написала ему. Почти слово въ слово то же, что и въ первый разъ. Пожалуй еще рѣшительнѣе.

Вангель. И тогда онъ покорился?

Элида. О, нѣтъ, не думай этого. Онъ написалъ въ такомъ же спокойномъ тонѣ, какъ и раньше. Ни слова о томъ, что я порвала съ нимъ. Тогда я уже поняла, что это было бесполезно, а потому и не стала больше писать ему.

Вангель. И отъ него больше не получала вѣстей?

Элида. Нѣтъ, послѣ этого я получила отъ него еще три письма. Въ первый разъ онъ написалъ мнѣ изъ Калифорніи, а второй разъ изъ Китая. Последнее письмо, полученное мною отъ него, было изъ Австраліи. Въ немъ онъ писалъ мнѣ, что хочетъ отправиться на золотые прииски. Но съ тѣхъ поръ онъ не дѣлалъ мнѣ больше вѣстей о себѣ.

Вангель. Онъ имѣлъ необычайную власть надъ тобой, Элида.

Элида. О да, о да! Ужасный человекъ!

Вангель. Но не дунай больше объ этомъ! Никогда, никогда больше! Общай мнѣ это непремѣнно, моя дорогая, безцѣнная Элида! Мы

испробуешь для тебя другаго рода лѣченіе: болѣе свѣжій воздухъ, нежели здѣсь, въ фіордагъ, насыщенный солью, порывистый морской воздухъ, радость моя! Что скажешь ты на это?

Эллида. О, не говори объ этомъ планѣ, не думай о немъ! Онъ нисколько не поможетъ мнѣ. Я это такъ хорошо чувствую, я и тамъ не избавилась отъ этого.

Вангель. Не избавившись отъ чего? Дорогая, что хочешь ты собственно сказать?

Эллида. Отъ ужаса, вотъ что я хочу сказать, отъ этой непонятной власти надъ душою.

Вангель. Но вѣдь ты избавилась отъ нея. Давнымъ давно, когда ты порвала съ нимъ. Все это давно прошло.

Эллида (*всканиваетъ съ своего мѣста*). Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, что это не прошло!

Вангель. Не прошло?

Эллида. Нѣтъ, Вангель, не прошло! И я боюсь, что никогда не пройдетъ. Никогда въ этой жизни!

Вангель (*мужикъ волосомъ*). Не хочешь ли ты сказать этииъ, что въ глубинѣ своего сердца ты не могла забыть незнаконца?

Эллида. Я забыла его. Но потомъ случилось нѣчто такое, какъ будто бы онъ снова вернулся.

Вангель. Когда же это было?

Эллида. Около трехъ лѣтъ тому назадъ. Или немного больше. Это случилось тогда, когда у меня долженъ былъ родиться ребенокъ.

Вангель. А! Такъ въ это время! Да, Эллида, теперь я начинаю понимать многое, очень многое.

Эллида. Ты ошибаешься, милый! То, что нашло на меня... О, мнѣ кажется, что никогда, ни во вѣки вѣковъ намъ не понять этого.

Вангель (*смотрятъ на нее съ печалью*). Подумать только, что цѣлыхъ три года ты питала любовь къ другому! Къ другому! Не ко мнѣ, а къ другому!

Эллида. О, какъ ты ошибаешься! Я не люблю никого, кромя тебя!

Вангель (*понижая голосъ*). Такъ почему же въ теченіе всего этого времени ты не хотѣла быть мнѣ женой?

Эллида. Тому виною ужасъ, который мнѣ внушаетъ этотъ человекъ.

Вангель. Ужасъ?!

Эллида. Да, ужасъ. Такой необъятный ужасъ, какой, мнѣ кажется, способно внушать только море. Потому что теперь ты долженъ узнать, Вангель...

(Молодые люди изъ города возвращаются съ лѣвой стороны, кланяются и проходятъ направо. Вмѣстѣ съ ними являются Архольмъ, Болетта, Хильда и Лингстранъ).

Болетта (*проходя мимо нихъ*). Какъ, вы все еще здѣсь прогуливаетесь?

Эллида. Да, здѣсь наверху такъ прохладно, такъ хорошо!

Архольмъ. А мы такъ собираемся внизъ танцовать.

Вангель. Ступайте, ступайте, мы тоже скоро сойдемъ внизъ.

Хильда. Такъ пока прощайте!

Эллида. Господинъ Лингстранъ, подождите, пожалуйста, минутку. (*Лингстранъ остается, Архольмъ, Болетта и Хильда уходятъ направо.*)

Эллида (*Лингстрану*). Вы тоже собираетесь танцовать?

Лингстранъ. Нѣтъ, фруэ, я думаю, что нѣтъ не годится.

Эллида. Да, лучше будетъ, если вы поостерожетесь. Эта боль въ груди, вѣдь вы еще не совсѣмъ отдѣлались отъ нея?

Лингстранъ. Вы правы, еще не совсѣмъ.

Эллида (*нѣсколько нервничательно*). Сколько времени могло пройти съ тѣхъ поръ, какъ вы совершили ваше путешествіе?

Лингстранъ. Это когда я схватилъ свою болѣзнь?

Эллида. Да, то путешествіе, о которомъ вы рассказывали утромъ?

Лингстранъ. О, это было приблизительно... Позвольте. Ну да, это было цѣлыхъ три года тому назадъ.

Эллида. Такъ три года?

Лингстранъ. Или немного больше. Мы отплыли изъ Америки въ февралѣ, а въ мартѣ мы потеряли крушеніе. Мы попали какъ разъ въ равноденственную бурю.

Эллида (*смотрятъ на Вангеля*). Значить, это было тогда...

Вангель. Но, дорогая Эллида?

Эллида. Я не стану васъ дольше задерживать, господинъ Лингстранъ. Идите, но пожалуйста не танцуйте!

Лингстранъ. Нѣтъ, нѣтъ, я только посмотрю. (*Уходитъ направо.*)

Вангель. Дорогая Эллида, зачѣмъ ты спрашивала его о путешествіи?

Эллида. Джонстонъ былъ съ нимъ на кораблѣ. Я въ этомъ совершенно увѣрена.

Вангель. Изъ чего ты это заключаешь?

Эллида (*не отвѣчая ему*). Онъ узналъ на кораблѣ, что я обвѣчалась съ другимъ — въ его отсутствіи. И вотъ, въ этотъ самый часъ, это нашло на меня!

Вангель. Ты говоришь объ этомъ ужасъ?

Эллида. Да. Во всякую минуту я могу вдругъ увидать его предъ собой, какъ живаго. Или, собственно говоря, не предъ собой, а немного сбоку. Онъ никогда не смотритъ на меня. Онъ только стоитъ здѣсь.

Вангель. Какимъ же онъ тебѣ представляется?

Эллида. Такимъ, какимъ я его видѣла въ послѣдній разъ.

Вангель. Десять лѣтъ тому назадъ?

Элида. Да, тамъ, въ Браттгаммерѣ. Всего отчетливѣе вижу я его булавку въ галстукѣ съ большой синевато-бѣлой жемчужиной. Эта жемчужина похожа на мертвый рыбій глазъ. И мнѣ кажется, будто она смотритъ на меня въ упоръ.

Вангель. Господи! Твоя болѣзнь гораздо серьезнѣе, нежели я думалъ, серьезнѣе, чѣмъ ты сама сознаешь, Элида.

Элида. Да, да, помоги мнѣ, если можешь! Я чувствую, что этотъ ужасъ все болѣе и болѣе охватываетъ меня.

Вангель. И въ такомъ-то состояннн ты пробыла цѣлыхъ три года! Молча переносила свои тайныя муки, не хотѣла довѣриться мнѣ!

Элида. Но вѣдь я не могла! Не могла открыть тебѣ ихъ до настоящей минуты, когда это сдѣлалось необходимо—ради тебя самого. Еслибъ я раньше открыла тебѣ все это, то вѣдь я должна была бы открыть тебѣ и то... то, что сказать невозможно!

Вангель. Невозможно?!

Элида (*прерывая его*). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не спрашивай! Я скажу тебѣ еще только одну вещь. А затѣмъ ничего больше. Вангель, чѣмъ можешь ты объяснить себѣ то, что глаза нашего малютки были такъ загадочны?

Вангель. Моя дорогая, безцѣнная Элида! Увѣряю тебя, что это одна твоя фантазія. У

малютки были точь въ точь такіе глаза, какъ и у другихъ нормальныхъ дѣтей.

Элида. Нѣтъ, не такіе! Какъ это ты не замѣтилъ этого? Его глаза мѣняли цвѣтъ, соответственно съ моремъ. Если фюрдъ былъ спокоенъ и залитъ солнечнымъ сіяніемъ, то и глаза малютки принимали его цвѣтъ. То же самое и въ бурную погоду. О, если ты этого не видалъ, то я-то хорошо видѣла!

Вангель (*уступая ей*). Гм... пусть будетъ по-твоему! Но если даже и такъ? Что-жъ изъ этого?

Элида (*тихо, подходя ближе къ нему*). Я раньше видѣла подобные глаза.

Вангель. Когда? И гдѣ?

Элида. Въ Браттгаммерѣ. Десять лѣтъ тому назадъ.

Вангель (*отступаетъ на шагъ*). Что-же это значитъ?

Элида (*шепчетъ вся дрожа*). У малютки были глаза незнакома.

Вангель (*испускаетъ невольный крикъ*). Элида!

Элида (*въ отчаяннн, заломивъ руки*). Теперь ты долженъ понять, почему я никогда больше не хочу—почему я больше не смѣю быть тебѣ женой! (*Она быстро повертывается и сбѣгаетъ внизъ по холмамъ направо*).

Вангель (*бѣжитъ за нею, восклицая*). Элида, Элида! Моя бѣдная, несчастная Элида!

ТРЕТІЙ АКТЪ.

(Отдаленная часть сада при домѣ доктора Вангеля. Сырое, болотистое мѣсто, заслоненное отъ солнца старыми высокими деревьями. Направо виднѣнъ берегъ заплесневшаго пруда. Низкая изгородь отдѣляетъ садъ отъ тропинки и отъ фюрда на заднемъ планѣ. Совсѣмъ позади горы и скалы по ту сторону фюрда. Вечернетъ. Болетта сидитъ на каменной скамьѣ нальво и занимается шитьемъ. На скамьѣ лежатъ двѣ книги и рабочая корзинка. Хильда и Лингстранъ, оба съ удочками, идутъ по берегу пруда.)

Хильда (*отдаетъ знакъ Лингстрану*). Стойте смирно! Вотъ я вижу большущаго!

Лингстранъ (*смотритъ въ ту же сторону*). Гдѣ-жъ онъ?

Хильда (*указывая пальцемъ*). Развѣ вы не видите? Вотъ онъ, внизу. А поглядите-ка туда! Тамъ еще другой! (*Смотритъ сквозь деревья*.) Ну вотъ! онъ сейчасъ подойдетъ и спугнетъ ихъ.

Болетта (*поднимая глаза съ работы*). Кто такое?

Хильда. Твой профессоръ, мамочка.

Болетта. Мой?

Хильда. Ну да; монъ - то онъ никогда не былъ, въ этомъ я могу поклясться.

(Профессоръ Архольмъ показывается справа, изъ-за деревьевъ.)

Архольмъ. Развѣ у васъ въ пруду водятся теперь рыба?

Хильда. Да, въ немъ есть старые, престарые карасы.

Архольмъ. Неужели старые карасы еще существуютъ?

Хильда. Да, они ужасно живучи. Но вы попробуйте покончить съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Архольмъ. Такъ важъ лучше-бы попытаться счастья на фюрдѣ.

Лингстранъ. Нѣтъ, прудъ, такъ сказать, таинственнѣе.

Хильда. Да, здѣсь завлскательнѣе. Вы были сейчасъ на морѣ?

Архольмъ. Да, я прямо изъ купальни.

Хильда. Вы должны быть не выходили изъ бассейна?

Архольмъ. Да, я не очень - то искусный пловецъ.

Хильда. Вы умѣете плавать на спинѣ?

Архольмъ. Нѣтъ.

Хильда. А я умѣю. (*Динструану.*) Попытаекъ-ка счастья дальше, на томъ берегу. (*Они проходятъ вдоль пруда направо.*)

Арихольмъ (*подходитъ къ Болеттѣ*). Вы тутъ сидите совсѣмъ одна, Болетта?

Болетта. Да, я по большей части сижу одна.

Арихольмъ. А развѣ ваша матушка не въ саду?

Болетта. Нѣтъ, она навѣрно пошла гулять съ папой.

Арихольмъ. Какъ она чувствуетъ себя сегодня вечеронь?

Болетта. Право не знаю. Я забыла спросить ее.

Арихольмъ. Что это у васъ за книги?

Болетта. Въ одной рассказывается о жизни растений, а другая — географія.

Арихольмъ. Вы охотно читаете о такихъ вещахъ?

Болетта. Да, когда я нахожу время для чтенія, то... Но вѣдь прежде всего другаго я должна заниматься хозяйствомъ.

Арихольмъ. А развѣ ваша матушка... развѣ ваша мамича не помогаетъ вамъ въ этомъ?

Болетта. Нѣтъ, хозяйство лежитъ на мнѣ. Вѣдь я вела его въ тѣ два года, когда папа былъ одинъ. Такъ это и потомъ осталось.

Арихольмъ. Но вѣдь однако у васъ по прежнему большой интересъ къ чтенію?

Болетта. Да, я читаю всякія полезныя книги, какія мнѣ только удастся достать. Мнѣ такъ хотѣлось-бы хоть что-нибудь узнать о томъ, что дѣлается на свѣтѣ! Вѣдь здѣсь мы совершенно отдѣлены отъ остальнаго міра. Да, почти что такъ.

Арихольмъ. Что это вы говорите, милая Болетта!

Болетта. Ну да, конечно. Я не думаю, чтобъ была большая разница между тѣмъ, какъ мы живемъ здѣсь, и какъ живутъ караси въ этомъ пруду. Фюрдь такъ близко отъ нихъ, а тамъ-то и дѣло спуютъ стаи большихъ, вольныхъ морскихъ рыбъ. Но наши бѣдные, робкіе карасики ничего не знаютъ объ этомъ. И никогда не попадутъ они туда.

Арихольмъ. Ну, врядъ-ли бы они хорошо себя почувствовали, еслибъ очутились тамъ.

Болетта. Ахъ, я не знаю, что было бы лучше! все равно.

Арихольмъ. Впрочемъ, вы не можете сказать, что люди здѣсь совсѣмъ отдѣлены отъ жизни. Во всякомъ случаѣ не лѣтонъ. По времени вашъ городокъ является, наоборотъ, сборнымъ пунктомъ, почти что центромъ, куда стекается свѣтъ — такъ, мимоѣздомъ.

Болетта (*улыбается*). О да, вы сами взглянули сюда только такъ, мимоѣздомъ, такъ вамъ, конечно, легко потѣшаться надъ нами.

Арихольмъ. Развѣ я потѣшаюсь? Что это вамъ вздумалось?

Болетта. Ну да, конечно. Потому что все, что вы говорите о сборномъ пунктѣ и о центрѣ, куда стекается свѣтъ, все это вы подслушали у городскихъ жителей. Да, подслушали, потому что они нѣбось обыкновеніе рассказывать подобныя вещи.

Арихольмъ. Да, если ужъ говорить откровенно, то я дѣйствительно замѣтилъ это.

Болетта. Но вѣдь въ сущности въ этомъ нѣтъ ни слова правды. По крайней мѣрѣ относительно насъ, живущихъ здѣсь постоянно. Что пользы намъ въ томъ, что люди большаго, чуждаго намъ свѣта заѣзжаютъ сюда на перепутьи, когда отправляются къ полюсу любоваться сѣверными сіяніемъ? Вѣдь намъ-то не ѣхать съ ними! И никогда не видать намъ сѣвернаго сіянія! О нѣтъ, намъ суждено продолжать нашу милую жизнь въ пруду съ карасями.

Арихольмъ (*садится возлѣ нея*). Скажите мнѣ, дорогая Болетта, нѣтъ-ли можетъ быть чего-нибудь такого, чего-нибудь опредѣленнаго, къ чему вы стремитесь, сидя дома?

Болетта. О, конечно, есть.

Арихольмъ. А что-же это именно? Къ чему собственно вы стремитесь?

Болетта. Во-первыхъ, я хотѣла-бы уѣхать отсюда.

Арихольмъ. Значитъ, это — прежде всего?

Болетта. Да. А затѣмъ мнѣ хотѣлось — бы приобрести побольше знаній, получить о всемъ правильное представленіе.

Арихольмъ. Въ то время, когда я давалъ вамъ уроки, вашъ батюшка часто говаривалъ, что позволить вамъ продолжать ваши научныя занятія.

Болетта. О да, бѣдный папа — нало-ли что онъ говорить! Но когда приходится дѣйствовать, то... Нѣтъ у папы настоящей энергіи.

Арихольмъ. Да, къ сожалѣнію, вы правы. Энергіи у него и въ самомъ дѣлѣ недостаточно. Но развѣ вы никогда не обсуждали съ нимъ этого вопроса? Не обсуждали его серьезно и настойчиво?

Болетта. Нѣтъ, собственно говоря, никогда.

Арихольмъ. Но знаете-ли, вамъ право слѣдовало-бы поговорить съ нимъ. Пока еще не поздно, Болетта. Почему вы до сихъ поръ этого не сдѣлали?

Болетта. Должно быть потому, что и у нея нѣтъ настоящей энергіи. Я вѣроятно унаслѣдовала это отъ папы.

Арихольмъ. Гм, можетъ быть вы несправедливы къ себѣ?

Болетта. Къ сожалѣнію, нѣтъ. И къ тому же у папы слишкомъ мало досуга, чтобы думать обо мнѣ и о моемъ будущемъ. Да и нѣтъ у него особенной охоты думать объ этомъ. Онъ предпочтаетъ сваливать съ своихъ плечъ подобныя заботы, если это только возможно. Вѣдь онъ такъ исключительно занятъ Эллидой.

Арихольмъ. Кѣмъ? какъ?

Болетта. Я хочу сказать, что онъ и моя мачиха... *(Обрывая рѣчь.)* Вѣдь вы должны же понять, что мой отецъ и моя мать живутъ только другъ для друга.

Арихольмъ. Ну, такъ тѣмъ лучше было-бы для васъ, еслибъ вы нашли средство уѣхать отсюда.

Болетта. Да, но съ другой стороны мнѣ кажется, что я не имѣю на это права. Не имѣю права покинуть папу.

Арихольмъ. Но, милая Болетта, вѣдь вамъ все равно не избѣжать этого. А потому мнѣ думается, что вамъ лучше ужъ раньше...

Болетта. Да, мнѣ, конечно, не остается ничего другаго. Вѣдь я должна подумать и о себѣ. Должна добиться для себя какого-нибудь положенія. Когда папы не станетъ, мнѣ вѣдь рѣшительно не на кого будетъ надѣяться. Но бѣдный папа, мнѣ страшно уѣхать отъ него.

Арихольмъ. Страшно?

Болетта. Да, страшно за папу.

Арихольмъ. Но Господи Боже, а ваша мачиха? Вѣдь она останется съ нимъ?

Болетта. Да, это конечно такъ. Но она совершенно неспособна на многое такое, на что такъ ловка была покойная мама. Есть вещи, которыхъ она не *видитъ*, или, можетъ быть, не *хочетъ* видѣть—или до которыхъ ей просто *нѣтъ дѣла*. Я не знаю, чему собственно это приписать.

Арихольмъ. Гм,—мнѣ кажется, я понимаю, на что вы намекаете.

Болетта. Бѣдный папа,—у него есть свои слабыя стороны. Вы, можетъ быть, тоже заѣтили это. Дѣла у него вовсе не такъ много, чтобы наполнить все его время. И при этомъ-то она рѣшительно не въ состояннн поддержать его! Впрочемъ, онъ конечно самъ отчасти виновать.

Арихольмъ. Что вы подъ этимъ разумѣете?

Болетта. Папа такъ любитъ видѣть вокругъ себя веселыя лица! Онъ говорить, что въ домѣ должно свѣтить солнышко и царить радость. И я боюсь, что поэтому - то онъ и даетъ ей нѣрѣдко лекарства, которыя въ сущности ей только вредятъ.

Арихольмъ. Вы серьезно думаете это?

Болетта. Да, я не могу отдѣлаться отъ этой мысли. Потому что она бываетъ подчасъ такая странная! *(Съ горячностью.)* Но развѣ справедливо будетъ, если я останусь здѣсь навсегда? Вѣдь, собственно говоря, папа отъ этого ровно ничего не выиграетъ. А у нея вѣдь есть также обязанности и къ самой себѣ; не правда-ли?

Арихольмъ. Знаете что, милая Болетта,—начъ надо-бы пообстоятельнѣе потолковать съ вами.

Болетта. О, большой пользы отъ этого на-

вѣрно не будетъ. Я конечно создана для того, чтобъ вѣчно жить здѣсь, въ пруду съ кара-ями; я въ этомъ увѣрена.

Арихольмъ. Совсе нѣтъ. Это вполне зависить отъ васъ.

Болетта *(съ оживленіемъ)*. Будто?

Арихольмъ. Да, повѣрьте мнѣ. Это совершенно въ вашихъ рукахъ.

Болетта. О, еслибъ только!... Вы, можетъ быть, хотите замолвить за меня словечко перерь папой?

Арихольмъ. Я и это сдѣлаю. Но я главнымъ образомъ желалъ бы поговорить откровенно, поговорить по душѣ съ вами, милая Болетта. *(Смотритъ на мѣсто.)* Тс! Сдѣлайте видъ, будто у насъ съ вами не было серьезнаго разговора. Мы послѣ вернемся къ нашей бесѣдѣ.

(Элида является съ лѣвой стороны. Она безъ шляпы; большой платокъ накинутъ у нея на голову и на плечи.)

Элида *(съ тревожнымъ оживленіемъ)*. Здѣсь хорошо! Здѣсь прелестно!

Арихольмъ *(поднимается съ мѣста)*. Вы сейчасъ гуляли?

Элида. Да, мы сдѣлали съ Вангеленъ длинную, длинную, восхитительную прогулку по горамъ. А теперь мы поѣдемъ кататься подъ парусомъ.

Болетта. Не хочешь-ли присѣсть?

Элида. Нѣтъ, благодарствуй. Я не хочу сидѣть.

Болетта *(поднятая на скамью)*. Вѣдь здѣсь много мѣста.

Элида *(ходитъ кругомъ)*. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Не хочу сидѣть. Не хочу сидѣть.

Арихольмъ. Прогулка, должно быть, хорошо на васъ подѣйствовала. У васъ такой оживленный видъ.

Элида. О, я чувствую себя такъ хорошо! Я такъ невыразимо счастлива! Такъ спокойна! Такъ спокойна! *(Взглядываетъ на мѣсто.)* Что это за большой пароходъ идетъ сюда?

Болетта *(поднимается съ мѣста и смотритъ черезъ изгородь)*. Это вѣроятно большой англійскій пароходъ.

Арихольмъ. Онъ причаливаетъ къ пловучему маяку. Онъ всегда останавливается здѣсь?

Болетта. Только на полчаса. Онъ отойдетъ дальше, въ фюрдъ.

Элида. А потомъ—завтра же—опять уйдетъ отъ насъ. Уйдетъ въ открытое, безпредѣльное море. И все время будетъ плыть по этому морю. Подумайте—какое счастье попасть на этотъ корабль! Ахъ, еслибъ можно было попасть туда! Ахъ, еслибъ только можно было!

Арихольмъ. Вамъ никогда не случалось дѣлать большихъ морскихъ путешествій, фру Вангель?

Элида. Нѣтъ, никогда. Не считая недалекихъ поѣздокъ здѣсь, въ фюрдахъ.

Болетта (*со вздохомъ*). О нѣтъ, намъ приходится довольствоваться твердой землей.

Арихольмъ. Ну, она-то собственно и должна быть нашимъ постояннымъ жилищемъ.

Элида. Нѣтъ, я вовсе не думаю, чтобъ это было такъ.

Арихольмъ. То есть, что мы должны жить на твердой землѣ?

Элида. Нѣтъ. Мнѣ кажется, что еслибъ только люди съ самаго начала приучились жить всю жизнь на морѣ или, пожалуй, въ самомъ морѣ, то мы достигли бы теперь гораздо болѣе высокаго совершенства. Мы были бы и лучше и счастливѣе.

Арихольмъ. Вы въ самомъ дѣлѣ это думаете?

Элида. Да. Желала бы я знать, почему бы этого не могло быть! Я не разъ говорила объ этомъ съ Вангеленъ.

Арихольмъ. Ну, а онъ?

Элида. Онъ полагаетъ, что въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго.

Арихольмъ (*шутливо*). Ну, пусть будетъ по вашему. Но что сдѣлано, того не передѣлаешь. Мы ужъ разъ навсегда пошли по ложному пути и приспособились къ жизни на сушѣ, а не въ морѣ. Во всякомъ случаѣ теперь, конечно, слишкомъ поздно исправлять эту ошибку.

Элида. Да, вы высказали печальную истину. И мнѣ думается, что люди и сами догадываются объ этомъ, что ихъ постоянно удручаетъ какъ-бы тайное раскаянье и тайная печаль. Повѣрьте мнѣ—въ этомъ-то и кроется главная причина человѣческой грусти. Да, да, повѣрьте мнѣ.

Арихольмъ. Но, добрѣйшая фру Вангель, я вовсе не нахожу, что люди такъ страшно подавлены грустью. Мнѣ кажется, наоборотъ, что большинство ихъ смотритъ на жизнь легко и беззаботно,—и что сердце ихъ проникнуто великой, безыювной, безсознательной радостью.

Элида. Нѣтъ, нѣтъ, не говорите. Эта радость—она подобна той, какой насъ наполняетъ долгій, ясный лѣтній день. Она несетъ въ себѣ напоминаніе о надвигающейся ночи. И это напоминаніе бросаетъ свою тѣнь на человѣческую радость—точь въ точь, какъ облако, скользящее по небу, бросаетъ свою тѣнь на фюрдъ. Вотъ онъ лежалъ предъ нами—такой прозрачный, такой лазурный. И вдругъ...

Болетта. Тебѣ не слѣдовало бы предаваться такимъ унылымъ мыслямъ. Сейчас ты была такая веселая, оживленная...

Элида. Да, да, твоя правда. О, это—это такъ глупо съ моей стороны. (*Безпокойно оглядывается*.) Лишь-бы Вангель пришелъ сюда. Въдъ онъ обѣщалъ мнѣ придти непременно—и все-таки не идетъ. Онъ навѣрно забылъ. Ахъ, дорогой Арихольмъ, еслибъ вы были такъ добры и разыскали его!

Арихольмъ. Я къ вашимъ услугамъ.

Элида. Скажите ему, чтобъ онъ не медлилъ, чтобъ онъ скорѣе шелъ сюда—потому что я не вижу его теперь.

Арихольмъ. Не видите его?

Элида. О, вы меня не повиняете. Когда его нѣтъ близъ меня, то очень часто случается, что я не могу вспомнить его лица. И тогда мной овладѣваетъ такое чувство, какъ будто-бы я совсѣмъ лишилась его. Это такъ страшно, такъ нучительно! Идите-же! (*Она ходитъ взадъ и впередъ около пруда*.)

Болетта (*Арихольму*). Я пойду съ вами. А то вы не найдете его.

Арихольмъ. Полноте. Я съумѣю его разыскать.

Болетта (*вполголоса*). Нѣтъ, нѣтъ, я неспокойна. Я боюсь, что онъ зашелъ на пароходъ.

Арихольмъ. Вы бонтесь?

Болетта. Да, онъ обыкновенно заходитъ туда, чтобъ посмотреть, нѣтъ-ли тамъ знакомыя. А такъ какъ на пароходѣ есть буфетъ...

Арихольмъ. А, вотъ что! Ну такъ пойдите. (*Онъ и Болетта проходятъ нальво*.)

(*Элида стоитъ некоторое время, устремивъ неподвижный взоръ въ прудъ, и тихо и отрывисто говоритъ сама съ собою*.)

(*На тропинкѣ за садовой изгородью показывается слѣва Незнакомецъ, одѣтый по дорожному. У него густые рыжеватые волосы и борода. На головѣ у него шотландская шапочка; черезъ плечо виситъ на ремнѣ дорожная сумка*.)

Незнакомецъ (*идетъ медленно вдоль изгороди и заглядываетъ въ садъ, какъ-бы ища кого-то. Завидѣвъ Элиду, онъ останавливается, пристально смотритъ на нее и говоритъ негромко*). Добрый вечеръ, Элида!

Элида (*оборачивается и восклицаетъ*).

Ахъ, милый, ты пришелъ наконецъ!

Незнакомецъ. Да, наконецъ.

Элида (*смотритъ на него съ изумленіемъ и страхомъ*). Кто вы? Вамъ нужно здѣсь кого-нибудь?

Незнакомецъ. Тебѣ не трудно догадаться, кого.

Элида (*пораженная*). Что это! Что значить, что вы такъ обращаетесь ко мнѣ! Кого вы ищете?

Незнакомецъ. Разувется, тебя.

Элида (*вдрогнувъ*). А!.. (*Пристально смотритъ на него, шатаясь, отступаетъ назадъ и испускаетъ глухой крикъ*.) Эти глаза!.. Эти глаза!

Незнакомецъ. Ну что, узнаешь меня наконецъ? Я-то сразу узналъ тебя, Элида.

Элида. Эти глаза! Не смотрите такъ на меня! Я кликну на помощь!

Незнакомецъ. Тсс., тсс! Не бойся! Въдъ я ничего тебѣ не сдѣлаю.

Элида (*закрываетъ рукою глаза*). Не смотрите такъ на меня, говорю вамъ!

Незнакомецъ (*облокачивается на изгородь*). Я прѣхалъ на англійскомъ пароходѣ.

Элида (*робко взглядываетъ на него искоса*). Чего вы хотите отъ меня?

Незнакомецъ. Вѣдь я обѣщаль тебѣ вернуться, какъ скоро это будетъ возможно...

Элида. Уѣзжайте! Уѣзжайте назадъ! Никогда, никогда больше не возвращайтесь сюда! Вѣдь я написала вамъ, что все кончено между нами! Все, рѣшительно все! Вѣдь вы же это знаете!..

Незнакомецъ (*не смущаясь и не отвѣчая на ея слова*). Я радъ былъ-бы прѣхать къ тебѣ раньше. Но я не могъ. Теперь это сдѣлалось наконецъ возможно. И вотъ я предъ тобою, Элида.

Элида. Чего-жъ вы хотите отъ меня? Что вы задумали? Зачѣмъ явились вы сюда?

Незнакомецъ. Ты отлично знаешь, что я прѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ увезти тебя.

Элида (*отступаетъ съ ужасомъ*). Увезти меня? Такъ вотъ что вы задумали!

Незнакомецъ. Да, разумеется.

Элида. Но вы должны же знать, что я замужемъ!

Незнакомецъ. Да, я это знаю.

Элида. И все-таки!.. Все-таки вы явились сюда съ тѣмъ, чтобъ увезти меня!

Незнакомецъ. Ну да, конечно.

Элида (*хватается обѣими руками за голову*). О, эти страшные!.. О, эти ужасные, эти ужасные глаза.

Незнакомецъ. Развѣ же ты не хочешь?

Элида (*дико*). Не смотрите такъ на меня!

Незнакомецъ. Я спрашиваю, хочешь ты или нѣтъ?

Элида. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не хочу! Никогда, ни во вѣки вѣковъ! Не хочу, говорю я вамъ! И не могу, и не хочу! (*Тише.*) Да я и не смѣю.

Незнакомецъ (*перелѣзаетъ черезъ изгородь и входитъ въ садъ*). Ну, въ такомъ случаѣ, Элида, дай мнѣ сказать тебѣ только одно словечко, прежде чѣмъ я уѣду.

Элида (*хочетъ бѣжать, но не можетъ. Она стоитъ, оцѣпенѣвъ отъ ужаса и опирается на древесный стволъ возлѣ пруда*). Не трогайте меня! Не подходите ко мнѣ! Не подходите ближе! Не трогайте меня, говорю я!

Незнакомецъ (*осторожно подвигаясь къ ней на нѣсколько шаговъ*). Тебѣ нечего такъ бояться меня, Элида.

Элида (*закрываетъ глаза руками*). Не смотрите такъ на меня!

Незнакомецъ. Не бойся же, не бойся.

(Докторъ Вангель идетъ слѣва черезъ садъ.)

Вангель (*еще на полдорогѣ изъ-за деревь-*

евъ). Ну, тебѣ пришлось довольно-таки долго дожидаться меня.

Элида (*бросается къ нему, цѣпляется за его руку и кричитъ*). О Вангель,—спаси меня! Спаси меня ты.. если можешь!

Вангель. Элида,—ради Бога, что съ тобой!

Элида. Спаси меня, Вангель! Развѣ же ты не видишь его? Вотъ онъ стоитъ тамъ!

Вангель (*смотритъ въ ту сторону*). Этотъ человекъ? (*Подходитъ ближе.*) Позвольте спросить... кто вы и зачѣмъ вошли вы въ этотъ садъ?

Незнакомецъ (*указываетъ кивкомъ на Элиду*). Мнѣ надо переговорить съ ней.

Вангель. Вотъ какъ! Такъ это вѣроятно были вы... (*Элида.*) Я слышалъ, что у насъ на дворѣ былъ какой-то незнакомецъ и спрашивалъ тебя.

Незнакомецъ. Да, это былъ я.

Вангель. Такъ что-жъ вамъ нужно отъ моей жены? (*Оборачиваясь.*) Ты знаешь его, Элида?

Элида (*тихо, ломая руки*). О, знаю-ли я его? Да, да, да!

Вангель (*поспѣшно*). Ну?

Элида. О, вѣдь это она, Вангель! Это онъ самъ! Онъ, про котораго...

Вангель. Какъ! Какъ! Что ты говоришь! (*Оборачивается.*) Вы Джонстонъ, который когда-то..?

Незнакомецъ. Ну... вы можете пожалуй называть меня Джонстономъ. Мнѣ это все равно. Впрочемъ, я ношу не эту фамилію.

Вангель. Не эту?

Незнакомецъ. Нѣтъ, теперь уже не эту.

Вангель. Такъ что-жъ вамъ нужно отъ моей жены? Вѣдь вамъ же извѣстно, что дочь смотрителя маяка давно уже замужемъ. А за кого она вышла, это вы тоже должны знать.

Незнакомецъ. Я это узналъ слишкомъ три года тому назадъ.

Элида (*съ напряженнымъ вниманіемъ*). Какъ вы это узнали?

Незнакомецъ. Я былъ на обратномъ пути къ тебѣ. Мнѣ попала въ руки старая газета. Это былъ листокъ изъ здѣшнихъ нѣстъ. И въ немъ упоминалось о вѣнчаніи.

Элида (*устраивая взоръ въ пространство*). О вѣнчаніи... Такъ вотъ что...

Незнакомецъ. Меня это такъ поразило... Потому что то... съ кольцами... тоже вѣдь было вѣнчаніе, Элида.

Элида (*закрываетъ руками лицо*). О...!

Вангель. Какъ вы смѣете...!

Незнакомецъ. Развѣ ты это забыла?

Элида (*чувствуетъ на себѣ его взглядъ и вскрикиваетъ*). Не смотрите же такъ на меня!

Вангель (*становится между ними и Элидой*). Вы должны нѣтъ дѣло со мной, а не съ нею. Ну-съ, разъ обстоятельства вамъ из-

вѣстны, скажите же мнѣ коротко и ясно, что вамъ собственно тутъ нужно? Зачѣмъ вы явились сюда и разыскали мою жену?

Незнакомецъ. Я общалъ Эллидѣ пріѣхать къ ней, какъ только мнѣ будетъ возможно.

Вангель. Эллидѣ! Опять!

Незнакомецъ. И Эллида общала мнѣ непременно дожидаться моего возвращенія.

Вангель. Я слышу, что вы называете мою жену по имени. Такого рода короткость у насъ здѣсь не въ обычаѣ.

Незнакомецъ. Я отлично знаю это. Но такъ какъ она прежде всего принадлежитъ мнѣ...

Вангель. Вамъ! Прежде всего вамъ!

Эллида (*прячется за Вангеля*). О! Онъ никогда не откажется отъ меня!

Вангель. Вамъ! Вы говорите, что она принадлежитъ вамъ!

Незнакомецъ. Рассказывала вамъ Эллида о двухъ кольцахъ? О своемъ кольцѣ и о моемъ?

Вангель. Конечно. Но что-жъ изъ этого? Вѣдь потомъ она взяла назадъ свое слово. Вѣдь вы получили ея письма. Стало-быть, вамъ это извѣстно.

Незнакомецъ. Между мной и Эллидой былъ разговоръ, что эта клятва надъ кольцами должна имѣть для насъ совершенно такую же законную и обязательную силу, какую имѣло-бы вѣнчаніе.

Эллида. Но вѣдь вы слышите, что я не хочу! Никогда въ жизни не хочу я больше ничего знать о васъ! Не смотрите такъ на меня! Я не хочу, говорю я!

Вангель. Вы, должно быть, не въ своемъ умѣ, если полагаете, что можете явиться сюда и основывать какія-нибудь права на подобныхъ дѣтскихъ шалостяхъ.

Незнакомецъ. Это совершенно вѣрно. Правъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы ихъ понимаете, у меня нѣтъ никакихъ.

Вангель. Такъ чего-же вы хотите? Ужъ не воображаете-ли вы, что можете силою взять ее у меня? Противъ ея собственной воли?

Незнакомецъ. Нѣтъ. Какая была бы мнѣ въ томъ польза? Если Эллида хочетъ послѣдовать за мной, то она должна отправиться добровольно.

Эллида (*пораженная, восклицаетъ*). Добровольно!

Вангель. И вамъ могло это придти въ голову!

Эллида (*устремивъ взоръ въ пространство*). Добровольно!

Вангель. У васъ, должно быть, повредился разумъ. Ступайте своей дорогой. Намъ нечего больше дѣлать съ вами.

Незнакомецъ (*смотритъ на свои часы*). Скоро мнѣ надо будетъ вернуться на пароходъ. (*Подходитъ на одинъ шагъ къ Эллидѣ*). Да, да, Эллида, значитъ, я исполнилъ теперь свой долгъ. (*Еще ближе*). Я сдержалъ данное тебѣ слово.

Эллида (*отодвигаясь отъ него, говоритъ умоляющимъ тономъ*). Не трогайте меня!

Незнакомецъ. Такъ ты обдумай это до завтрашней ночи.

Вангель. Нечего ей обдумывать. Уходите отсюда по добру по здорову.

Незнакомецъ (*обращаясь по-прежнему къ Эллидѣ*). Теперь я отправлюсь на пароходъ въ фіордъ. А завтра ночью я вернусь сюда и постараюсь повидаться съ тобой. Ты будешь ждать меня здѣсь, въ саду. Мнѣ пріятнѣе было бы покончить это дѣло съ глазу на глазъ съ тобою, ты понимаешь?

Эллида (*тихимъ, трепещущимъ голосомъ*). Слышишь ты это, Вангель?

Вангель. Будь же спокойна. Мы съумѣемъ помышать этому посвѣщенію.

Незнакомецъ. Такъ покажѣсь прощай, Эллида! Значитъ, до завтрашней ночи.

Эллида (*умоляющимъ тономъ*). О нѣтъ, нѣтъ, не приходите завтра ночью! Никогда больше не приходите!

Незнакомецъ. И если къ тому времени ты надумаешь отправиться со мной за море...

Эллида. О, не смотрите же такъ на меня!

Незнакомецъ. Я хочу только сказать, чтобы въ такомъ случаѣ ты была готова къ отъѣзду.

Вангель. Ступай домой, Эллида.

Эллида. Я не въ силахъ идти. О, помоги мнѣ! Спаси меня, Вангель!

Незнакомецъ. Потому что ты должна хорошенько поразмыслить о томъ, что если ты не пойдешь со мной завтра, все будетъ кончено.

Эллида (*смотритъ на него, вся дрожа*). Все будетъ кончено? Навсегда?

Незнакомецъ (*кинувъ головой*). Этого никогда нельзя будетъ поправить, Эллида. Я никогда больше не вернусь въ эти страны. Ты никогда меня больше не увидишь, и никогда не услышишь обо мнѣ больше. Я все равно что уиру для тебя и скроюсь съ глазъ твоихъ навсегда.

Эллида (*тяжело дыша*). О!

Незнакомецъ. Такъ обсуди же хорошенько, что тебѣ дѣлать. Прощай. (*Идетъ къ изгороди, перелезаетъ черезъ нее, останавливается и говоритъ*). Смотри-же, Эллида, приготовься вѣять завтра ночью. Я приду и возьму тебя съ собой. (*Онъ медленно и спокойно проходитъ по тропинкѣ и поворачиваетъ направо*).

Эллида (*въ теченіе нѣсколькихъ минутъ смотритъ ему вслѣдъ*). Онъ сказалъ «добровольно». Подумай только, онъ сказалъ, что я должна добровольно отправиться съ нимъ.

Вангель. Будь же разсудительна. Вѣдь онъ ушелъ теперь. И ты никогда больше не увидишь его.

Эллида. О, какъ можешь ты говорить это! Вѣдь онъ вернется завтра ночью.

Вангель. Пусть его приходятъ. Тебя онъ во всякомъ случаѣ здѣсь не найдетъ.

Элида (*качаетъ головой*). Ахъ, Вангель, не думай, что ты можешь похвастать ему.

Вангель. Конечно могу, дорогая моя, положись только на меня.

Элида (*въ раздумьѣ, не слушая его*). Но если онъ придетъ сюда, завтра ночью? И если послѣ того онъ отправится за море на пароходъ?

Вангель. Да, ну что же?

Элида. Желала бы я знать, неужели онъ никогда, никогда больше не вернется?

Вангель. Не вернется, дорогая Элида, ты можешь быть совершенно спокойна на этотъ счетъ. Что ему здѣсь дѣлать послѣ этого? Вѣдь онъ слышалъ теперь изъ твоихъ собственныхъ устъ, что ты знать его не хочешь. Этимъ дѣло и кончено.

Элида (*смотритъ въ пространство*). Значить завтра. Или никогда.

Вангель. А еслибъ ему и вздумалось снова придти сюда...

Элида (*напряженно*). Что жъ тогда?

Вангель. Тогда вѣдь въ нашей власти сдѣлать его безопаснымъ.

Элида. О не думай этого.

Вангель. Это въ нашей власти, говорю я! Если ты не можешь избавиться отъ него другимъ путемъ, то мы притащимъ его къ суду за убійство капитана.

Элида. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ни за что! Мы ничего не знаемъ объ убійствѣ капитана! Ровно ничего!

Вангель. Какъ не знаемъ! Вѣдь онъ самъ тебѣ въ нежъ сознался!

Элида. Нѣтъ, нѣтъ, ни слова объ этомъ! Если ты чтонибудь скажешь, то я стану отрицать. Его не надо сажать въ тюрьму! Его вѣсто на свободѣ, въ открытомъ морѣ. Вотъ гдѣ его вѣсто!

Вангель (*смотритъ на нее и медленно говоритъ*). Ахъ, Элида, Элида!

Элида (*крѣпко прижимается къ нему*). О мой милый, мой неизлѣпный, спаси меня отъ этого человѣка!

Вангель (*осторожно освобождается изъ ея объятій*). Пойдемъ! Пойдемъ со мною!

(Лингстранъ и Хильда, оба съ удочками, показываются справа, около пруда.)

Лингстранъ (*спышитъ на встрѣчу Элиду*). Ну, фруэ, сейчасъ вы услышите нѣчто удивительное!

Вангель. Что такое?

Лингстранъ. Представьте себѣ, мы видѣли американца!

Вангель. Американца?

Хильда. Да, я тоже видѣла его.

Лингстранъ. Онъ обогнулъ садъ, а потомъ пошелъ на большой англійскій пароходъ.

Вангель. Какимъ образомъ знаете вы этого человѣка?

Лингстранъ. Я служилъ съ нимъ одно время на кораблѣ. Я былъ такъ увѣренъ, что онъ утонулъ. А вотъ онъ цѣлъ и невредимъ.

Вангель. Вамъ извѣстно что-нибудь еще о немъ?

Лингстранъ. Нѣтъ, но онъ навѣрно прѣйхалъ за тѣмъ, чтобъ огомстить своей невѣрной женѣ.

Вангель. Что вы говорите?

Хильда. Лингстранъ хочетъ воспользоваться имъ для своего художественнаго произведенія.

Вангель. Я ни слова не понимаю.

Элида. Ты послѣ все узнаешь.

(Арнхольмъ и Болетта идутъ съ лѣвой стороны по тропинкѣ за садовой изгородью.)

Болетта (*обращаясь къ стоящимъ въ саду*). Идите сюда! Англійскій пароходъ отправляется въ фюрдъ.

(*Въ некоторомъ отдаленіи медленно проходитъ большой пароходъ.*)

Лингстранъ (*къ Хильдѣ, стоящей у изгороди*). Ниче ночью онъ непремѣнно явится къ пей.

Хильда (*кивая головой*). Къ невѣрной женѣ, — о да, непремѣнно.

Лингстранъ. Подумайте только — въ самую полночь.

Хильда. Это должно быть преннтересно!

Элида (*смотритъ вслѣдъ кораблю*). И такъ завтра.

Вангель. И затѣмъ никогда больше.

Элида (*тихимъ, трепещущимъ голосомъ*).

О Вангель, — спиши меня отъ меня самой!

Вангель (*глядитъ на нее со страхомъ*).

Элида! Я догадываюсь, — здѣсь что-то кроется.

Элида. Здѣсь кроется обаяніе.

Вангель. Обаяніе?

Элида. Этотъ человѣкъ тожъ, что море. (Она медленно и задумчиво проходитъ черезъ садъ направо. Вангель, встревоженный, идетъ рядомъ съ ней и пылко глядитъ на нее.)

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТЪ.

(Гостиная въ домъ доктора Вангеля. Двери направо и налево. На заднемъ планѣ, между двумя окнами, открытая стеклянная дверь ведетъ на веранду. Внизу видна часть сада. Налево въ гостиной диванъ и передъ нимъ столъ. Направо фортепiano, а дальше, въ глубинѣ сцены—большая жардиньерка. Посреди комнаты—круглый столъ, вокругъ него стулья. На столъ розовый кустъ въ цвѣту, окруженный другими растеніями въ горшкахъ.—Утро.—Въ комнату у стола налево на диванъ Болетта занимается вышиваньемъ. Лингстранъ тутъ-же, на стуль. Въ саду сидитъ Балестедъ и рисуетъ. Хильда стоитъ около него и смотритъ на его картину.)

Лингстранъ (положивъ руки на столъ, сидитъ нѣсколько минутъ молча и слѣдитъ за работой Болетты). Должно быть, страшно трудно вышивать такія коймы, фрэкенъ Вангель?

Болетта. О нѣтъ. Это вовсе не такъ трудно. Если только вниательно считать.

Лингстранъ. Считать? Такъ вамъ и считать надо?

Болетта. Да, считать стежки. Посмотрите.

Лингстранъ. Да, да, въ самомъ дѣлѣ! Скажите пожалуйста! Вѣдь это почти своего рода искусство! А рисовать вы тоже умѣете?

Болетта. О да, съ оригиналовъ.

Лингстранъ. Только съ оригиналовъ?

Болетта. Да, только такъ.

Лингстранъ. Такъ это все-таки не настоящее искусство.

Болетта. Нѣтъ, это скорѣе извѣстный навыкъ.

Лингстранъ. Но я думаю, что вы пожалуй могли бы научиться искусству.

Болетта. Если даже у меня нѣтъ таланта?

Лингстранъ. Все равно. Еслибъ вы могли постоянно быть въ обществѣ настоящаго, истиннаго художника.

Болетта. Вы думаете, что тогда я могла бы научиться отъ него?

Лингстранъ. Не то чтобъ научиться обыкновеннымъ способомъ. Но нѣтъ думается, что мало-по-малу это перешло бы къ вамъ. Слово какъ чудонъ, фрэкенъ Вангель.

Болетта. Вотъ было бы удивительно!

Лингстранъ (немного поодя). Останавливались-ли вы когда-нибудь на мысли... я хочу сказать, размышляли-ли вы когда-нибудь серьезно о бракѣ, фрэкенъ?

Болетта (бросивъ на него быстрый взглядъ). О бракѣ...? Нѣтъ.

Лингстранъ. А я такъ размышлялъ.

Болетта. Вотъ какъ! Въ самомъ дѣлѣ?

Лингстранъ. Конечно... Я очень часто думаю о подобныхъ вещахъ. Особенно о бракѣ. И крошъ того я и читалъ о немъ въ разныхъ книгахъ. Мнѣ кажется, что на бракъ слѣдуетъ смотрѣть въ нѣкоторомъ смыслѣ, какъ на чудо, — что женщина, вступившая въ бракъ, постепенно измѣняется и наконецъ дѣлается похожей на своего мужа,

Болетта. Вы хотите сказать, что она проникается его интересами?

Лингстранъ. Да, именно.

Болетта. Ну, а его дарованія, его способности и склонности—ихъ она тоже перенимаетъ?

Лингстранъ. Гм,—да,—пожалуй что и ихъ тоже.

Болетта. Такъ вы можете быть полагаете, что и то, что мужчина усвоилъ себѣ путемъ чтенія или размышленія,—что и это можетъ перейти къ его женѣ?

Лингстранъ. Да, и это. Мало-по-малу, какъ бы чудонъ. Но я отлично понимаю, что подобныя вещи могутъ нѣтъ мѣсто только тогда, когда супруги любятъ другъ друга глубокой и преданной любовью, когда они истинно счастливы.

Болетта. А развѣ вамъ никогда не приходило въ голову, что пожалуй и мужчина можетъ такниъ же образомъ поддаться влиянію своей жены? Что онъ можетъ сдѣлаться похожимъ на нее, хочу я сказать.

Лингстранъ. Мужчина? Нѣтъ, этого я никогда не думалъ.

Болетта. Но почему-же нѣтъ, если вы это допускаете относительно женщины?

Лингстранъ. А потому, что у мужчины есть призваніе, для котораго онъ долженъ жить. И это-то и дѣлаетъ мужчину такниъ сильнымъ и твердымъ, фрэкенъ Вангель. У него есть жизненное призваніе.

Болетта. У всякаго мужчины, отъ перваго до послѣдняго?

Лингстранъ. О нѣтъ. Я нѣбю главнымъ образомъ въ виду художника.

Болетта. Вы полагаете, что художникъ хорошо дѣлаетъ, если женится?

Лингстранъ. Да, я думаю. Если онъ встрѣтитъ женщину, которую искренно полюбитъ, то...

Болетта. Все равно. По-моему, онъ долженъ жить исключительно для своего искусства.

Лингстранъ. Конечно такъ. Но вѣдь это будетъ для него также легко и въ томъ случаѣ, если онъ женится.

Болетта. Ну, а она?

Лингстранъ. Она? Кто?

Болетта. Та женщина, на которой онъ женится. Для чего она должна жить тогда?

Лингстранъ. Она тоже должна жить для его искусства. Мнѣ кажется, что это должно доставить такое глубокое счастье женщинѣ.

Болетта. Гм,—не знаю право.

Лингстранъ. Да, да, фрэнкнъ, повѣрьте мнѣ Я говорю не объ одномъ только почетѣ и уваженіи, которыми она пользуется, благодаря ему Мнѣ кажется, что это всего меньше слѣдуетъ принимать въ расчетъ. Но то, что она имѣетъ возможность помогать ему въ его творствѣ,—облегчать ему трудъ, постоянно находясь близъ него, всячески заботясь о немъ, ухаживая за нимъ и дѣлая ему жизнь какъ можно болѣе пріятной—это, мнѣ кажется, должно бы быть истиннымъ блаженствомъ для женщины.

Болетта. О, вы сами не подозреваете, какой вы эгоистъ!

Лингстранъ. Я... эгоистъ!.. Великій Боже!.. О, еслибъ только вы лучше знали меня... (*Близже нагибаюсь къ ней*). Фрэнкнъ Ваггелъ, когда меня не будетъ... а это время такъ вѣдь близко...

Болетта (*участливо смотритъ на него*). Ахъ, зачѣмъ это у васъ являются такіа печальныя мысли!

Лингстранъ. Мнѣ кажется, что это въ сущности вовсе не такъ печально.

Болетта. Что вы хотите сказать?

Лингстранъ. Вѣдь я уѣзжаю черезъ мѣсяцъ. Сначала уѣду отсюда,—а вскорѣ послѣ того я вѣдь отправлюсь въ южныя страны.

Болетта. А, вотъ что. Разумѣется.

Лингстранъ. Будете вы иногда вспоминать обо мнѣ, фрэнкнъ?

Болетта. Конечно, буду.

Лингстранъ (*радостно*). Въ самомъ дѣлѣ? Вы общаете мнѣ это?

Болетта. Да, общаю.

Лингстранъ. Общаете свято и неизмѣнно, фрэнкнъ Болетта?

Болетта. Да, свято и неизмѣнно. (*Переходя въ другой тонъ*.) Но какая собственно польза въ этомъ? Вѣдь это все равно ни къ чему не поведетъ.

Лингстранъ. Какъ можете вы говорить это? Для меня было-бы такъ пріятно знать, что вы здѣсь, дома, думаете обо мнѣ!

Болетта. Хорошо, но что-жъ дальше?

Лингстранъ. Да, что дальше—я и самъ хорошенъко не знаю.

Болетта. И я не знаю. Вѣдь столько препятствій... Мнѣ кажется, что все на свѣтѣ противъ...

Лингстранъ. О, можетъ быть, случится какое-нибудь чудо,—какой-нибудь счастливый поворотъ судьбы или что-нибудь подобное. Знаете, я вѣрю, что родился подъ счастливой звѣздой.

Болетта (*съ оживленіемъ*). Да, правда? Вы вѣрите этому?

Лингстранъ. Да, я крѣпко вѣрю въ это. И

такъ—черезъ нѣсколько лѣтъ—когда я вернусь сюда знаменитымъ скульпторомъ, съ хорошими средствами, и въ цвѣтущемъ здоровьѣ...

Болетта. Да, да, конечно. Надо надѣяться, что такъ и будетъ.

Лингстранъ. Вы вполне можете рассчитать на это. Лишь-бы вы сохранили теплое и неизмѣнное воспоминаніе обо мнѣ, пока я буду въ южныхъ странахъ. А вѣдь вы дали мнѣ слово, что будете думать обо мнѣ.

Болетта. Да, я дала вамъ слово. (*Качаетъ головой*.) Но все-таки это навѣрно ни къ чему не поведетъ.

Лингстранъ. Нѣтъ, фрэнкнъ Болетта, это по крайней мѣрѣ значительно облегчитъ и ускоритъ для меня работу надъ моимъ художественнымъ произведеніемъ.

Болетта. Вы думаете?

Лингстранъ. Да, мое сердце говоритъ мнѣ это. И мнѣ кажется, что васъ такъ же должна-бы воодушевлять въ здѣшней глуши тайная мысль, что вы словно какъ помогаете мнѣ творить.

Болетта (*взглянувъ на него*). Ну,—а вы, съ вашей стороны?

Лингстранъ. Я...?

Болетта (*выглядываетъ въ садъ*). Тсс... Будете говорить о чемъ-нибудь другомъ. Сюда идетъ профессоръ.

(Профессоръ Арнхольмъ показывается въ саду съ лѣвой стороны. Онъ останавливается и вступаетъ въ разговоръ съ Баллестдомъ и Хильдой).

Лингстранъ. Вы любите вашего бывшего учителя, фрэнкнъ Болетта?

Болетта. Вы спрашиваете, люблю-ли я его?

Лингстранъ. Да, я хочу сказать... вы очень расположены къ нему?

Болетта. О да, конечно. Я такъ цѣню его дружбу и добрые совѣты! Притомъ-же, онъ всегда готовъ поночь, въ чемъ только можетъ.

Лингстранъ. Но развѣ не удивительно, что онъ не женился?

Болетта. Вамъ это кажется удивительнымъ?

Лингстранъ. Да. Потому что онъ вѣдь, говорятъ, человекъкъ состоятельный.

Болетта. Вѣроятно. Но я думаю, что ему было не такъ-то легко найти дѣвушку, которая согласилась бы выйти за него.

Лингстранъ. Почему-же?

Болетта. О, вѣдь онъ былъ учителемъ почти всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ онъ только знаетъ. Онъ самъ это говоритъ.

Лингстранъ. Да, но что-жъ изъ этого?

Болетта. Ахъ, Господи Боже! Нельзя-же выйти замужъ за человека, который былъ вашимъ учителемъ.

Лингстранъ. Развѣ вы полагаете, что молодая дѣвушка не можетъ полюбить своего учителя?

Болетта. Послѣ того, какъ она сдѣлалась совсѣмъ взрослой?... Нѣтъ.

Лингстранъ. Вотъ какъ!... Скажите пожалуйста!

Болетта (*останавливая его*). Тише, тише! (*Баллестедъ, собравъ свои рисовальныя принадлежности, уходитъ на правую сторону сада. Хильда помогаетъ ему нести ихъ. Архольмъ поднимается на веранду и входитъ въ комнату.*)

Архольмъ. Здравствуйте, милая Болетта. Здравствуйте, господинъ... господинъ... Гм! (*Онъ имѣетъ недовольный видъ и холодно киваетъ Лингстрану, который встаетъ и кланяется.*)

Болетта (*поднимается съ своего мѣста*). Здравствуйте, господинъ профессоръ.

Архольмъ. Что у васъ нынче дѣлается?

Болетта. Благодарствуйте, все очень хорошо.

Архольмъ. Ваша мачиха и сегодня пошла купаться?

Болетта. Нѣтъ, она наверху, въ своей комнатѣ.

Архольмъ. Она не совсѣмъ здорова?

Болетта. Не знаю. Она заперлась.

Архольмъ. Гм... въ самомъ дѣлѣ?

Лингстранъ. Фру Вангель должно быть сильно взволновалъ вчера американецъ.

Архольмъ. Откуда вы это знаете?

Лингстранъ. Я рассказалъ фру Вангель, что видѣлъ его самъ, своими глазами, когда онъ проходилъ за садомъ.

Архольмъ. А, вотъ какъ!

Болетта (*Архольму*). Вчера вечеромъ вы, кажется, долго сидѣли наверху у папы?

Архольмъ. Да, довольно долго. Мы обсуждали одинъ важный вопросъ.

Болетта. Удалось вамъ поговорить съ нимъ обо мнѣ и о моихъ дѣлахъ?

Архольмъ. Нѣтъ, милая Болетта, не удалось. Онъ весь поглощенъ совсѣмъ другимъ.

Болетта (*вздыхаетъ*). Увы... это всегда такъ.

Архольмъ (*смотритъ на нее многозначительно*). Но сегодня вы вѣдь пообстоятельнѣе потолкуешъ съ вами объ этомъ... Гдѣ же вашъ батюшка? Можетъ быть его нѣтъ дома?

Болетта. Онъ дома. Вѣрно онъ внизу, въ своей пріемной. Я сейчасъ позову его наверхъ.

Архольмъ. Нѣтъ, благодарю васъ. Не трудитесь. Я лучше самъ пойду къ нему.

Болетта (*прислушиваясь съ лѣвой стороны*). Погодите немножко, господинъ профессоръ. Мнѣ кажется, что папа самъ идетъ по лѣстницѣ. Онъ вѣрно былъ наверху, навѣдывался къ ней.

(Докторъ Вангель входитъ въ дверь съ лѣвой стороны.)

Вангель (*подаетъ руку Архольму*). А, любезный другъ, — вы уже здѣсь? Это очень

мило, что вы пришли такъ рано. Мнѣ хотѣлось бы еще побесѣдовать съ вами.

Болетта (*Лингстрану*). Не пойдутъ ли намъ въ садъ къ Хильдѣ?

Лингстранъ. Я буду очень радъ, фркенъ. (*Онъ и Болетта спускаются въ садъ и скрываются между деревьями на заднемъ планѣ.*)

Архольмъ (*проводитъ ихъ взглядомъ, обращается къ Вангелю*). Что вы знаете объ этомъ молодомъ человѣкѣ?

Вангель. Да почти, что ничего.

Архольмъ. Но развѣ вы не находите предосудительнымъ, что онъ постоянно вертится здѣсь, около дѣвочекъ?

Вангель. Въ самомъ дѣлѣ? Я, признаться, этого и не замѣтилъ.

Архольмъ. Мнѣ кажется, что вамъ все-таки слѣдовало бы обратить на это вниманіе.

Вангель. Да, вы, конечно, правы. Но, Господи Боже, что-же мнѣ, несчастному, дѣлать! Дѣвочки такъ привыкли пользоваться полной свободой. Онѣ совсѣмъ не слушаются ни меня, ни Эллиды.

Архольмъ. И ее не слушаются?

Вангель. Нѣтъ. Да впрочемъ я и не могу требовать, чтобъ она виѣшивалась въ подобныя вещи. Это вовсе не по ней. (*Переменная разговоръ.*) Но вѣдь мы не объ этомъ хотѣли поговорить съ вами. Скажите-ка мнѣ, — подумали-ли вы хорошенько о всекъ томъ, что я сообщилъ вамъ.

Архольмъ. Я не могъ думать ни о чемъ другомъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались вчера вечеромъ.

Вангель. Что-жъ, вы думаете, можно тутъ сдѣлать?

Архольмъ. Любезный докторъ, мнѣ кажется, что вы, какъ врачъ, должны это знать лучше меня.

Вангель. О, еслибъ вы только знали, какъ трудно врачу составить себѣ вѣрное сужденіе о больномъ, котораго онъ любитъ всей своей душою! А вѣдь это даже не какая-нибудь обыкновенная болѣзнь. Здѣсь не поможетъ никакой обыкновенный врачъ и никакія обыкновенныя врачебныя средства.

Архольмъ. Какъ она чувствуетъ себя сегодня?

Вангель. Я только что былъ у нея, и она мнѣ показалась совсѣмъ спокойной. Но за всѣмъ ея настроеніемъ таится что-то такое, чего я никакъ не могу достигнуть. И притомъ она вѣдь такъ нервничива, у нея бываютъ такіе неожиданные, такіе внезапные переходы.

Архольмъ. Это вѣроятно зависитъ отъ ея болѣзненного душевнаго состоянія.

Вангель. Не отъ одного этого. Если доискиваться коренной причины, то это у нея врожденное свойство. Эллида — дитя моря. Вотъ въ чемъ дѣло.

Арихольмъ. Что собственно хотите вы сказать этимъ, любезный докторъ?

Вангель. Развѣ же вы не замѣтили, что люди тамъ, у открытаго моря, составляютъ какъ-бы особый народъ? Они словно живутъ жизнью самого моря. Въ ихъ мысляхъ и ощущеніяхъ слышится прибой волнъ—въ нихъ есть и приливъ и отливъ. И никогда не пересадите вы ихъ на другую почву. О, инѣ слѣдовало раньше подунуть объ этомъ! Я совершилъ истинный грѣхъ предъ Эллидой, оторвавъ ее отъ родины и заставивъ ее переселиться сюда.

Арихольмъ. Вы теперь пришли къ этому заключенію?

Вангель. Да, я все больше и больше убѣждался въ этомъ. Но я долженъ былъ-бы сказать это себѣ заранѣе. О, въ сущности я вѣдь и зналъ это. Но я заглушалъ въ себѣ эти мысли—видите-ли, я такъ сильно любилъ ее. Поэтому я прежде всего и больше всего дуналъ о самоубійствѣ. Какимъ безсовѣстнымъ эгоистомъ былъ я въ то время!

Арихольмъ. Гм, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ всякій человѣкъ, конечно, бываетъ нѣсколько эгоистиченъ. Хотя впрочемъ я никогда не замѣчалъ этого недостатка въ васъ, докторъ Вангель.

Вангель (*въ волненіи ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ*). Ахъ, что вы говорите! Да я и послѣ былъ эгоистомъ. Подунайте только, насколько я старше ея! Я долженъ былъ-бы быть для нея отцомъ—и вѣстѣ съ тѣмъ руководителемъ. Я долженъ былъ-бы приложить все старанія къ тому, чтобы развить ея умственный мѣръ и внести въ него свѣтъ. Но, къ сожалѣнію, ничего этого я не сдѣлалъ. Видите-ли, у меня на это не хватило энергій. Притомъ же, она инѣ такъ правилась именно такой, какой она была! А между тѣмъ ей становилось все хуже и хуже—и я ломалъ себѣ голову, не зная, что бы такое придумать. (*Гуше.*) Поэтому-то, удрученный своимъ горемъ, я и написалъ вамъ, прося васъ пріѣхать сюда.

Арихольмъ (*смотритъ на него съ изумленіемъ*). Какъ такъ? Развѣ вы съ этой цѣлью писали инѣ?

Вангель. Да. Но не дайте ей замѣтить этого.

Арихольмъ. Но ради самого Неба, любезный докторъ—какой собственно пользы вы ожидаете отъ нея? Я право не понимаю.

Вангель. Весьма естественно, что вы не понимаете. Дѣло въ томъ, что я попалъ на ложный слѣдъ. Я вообразилъ себѣ, что сердце Эллиды было вѣкогда отдано вамъ, что она и до сихъ поръ еще втайнѣ любитъ васъ, что для нея было-бы хорошо повидаться съ вами, потолковать съ вами о родинѣ и о минувшихъ дняхъ.

Арихольмъ. Такъ вы подразумѣвали свою жену, когда писали инѣ, что здѣсь есть суще-

ство, которое поджидаетъ нея и—и можетъ быть тоскуетъ обо инѣ?

Вангель. Ну да, кого-же иначе?

Арихольмъ (*поспѣшно*). Конечно, конечно. Но я не поналя васъ.

Вангель. Очень натурально. Вѣдь я же сказалъ вамъ, что набрелъ на совершенно ложный слѣдъ.

Арихольмъ. И вы еще говорите, что вы эгоистъ!

Вангель. О, вѣдь инѣ надо было искупить такую тяжелую вину! Инѣ казалось, что я не долженъ пренебрегать никакимъ средствомъ, если оно можетъ хоть сколько-нибудь облегчить ея душевные страданія.

Арихольмъ. Какъ же вы собственно объясняете себѣ ту власть, которую инѣтъ надъ ней этотъ незакононецъ?

Вангель. Гм, дорогой другъ—въ этомъ вопросѣ есть стороны, которыя не поддаются объясненію.

Арихольмъ. Вы хотите сказать, что онѣ необъяснимы сами по себѣ? Безусловно необъяснимы?

Вангель. Во всякомъ случаѣ необъяснимы въ настоящее время.

Арихольмъ. Вы вѣрите подобнымъ вещамъ?

Вангель. Я не вѣрю инѣ, но и не отрицаю ихъ. Я просто не знаю. Поэтому я и не пытаюсь объяснить ихъ.

Арихольмъ. Да, но скажите инѣ только одно. Это странное, чудовищное утвержденіе ея, будто глаза ребенка...

Вангель (*горчо*). О, что касается глазъ, то этому я рѣшительно не вѣрю! Я не хочу вѣрить этому! Это у нея просто игра воображенія. Ничто иное.

Арихольмъ. Обратили вы вчера вниманіе на глаза этого человѣка?

Вангель. Конечно.

Арихольмъ. И не нашли никакого сходства?

Вангель (*уклончиво*). Гм, Господи Боже, что могу я отвѣтить вамъ на это! Вѣдь когда я видѣлся съ инѣ, было уже не совсѣмъ свѣтло. Притомъ же Эллида столько наговорила инѣ раньше объ этомъ сходствѣ... я право не знаю, былъ-ли я въ состояніи смотрѣть на него безъ предвзятой мысли.

Арихольмъ. Конечно, конечно! Ну, а другое обстоятельство? Что весь этотъ страхъ и душевная тревога явились у нея какъ разъ въ то время, когда незнакомецъ долженъ былъ находиться на обратномъ пути къ ней?

Вангель. Да, видите-ли, это тоже нѣчто такое, что создается въ ея мысляхъ и воображеніи за эти два дня. Это явилось совсѣмъ не такъ внезапно—совсѣмъ не сразу, какъ она теперь утверждаетъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ она узнала отъ этого молодого человѣка, Лингстрана, что Джонстонъ, или Фриманъ, или какъ бы его тамъ ни звали, что онѣ на-

ходился на пути въ наши края три года тому назадъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, то она очевидно и думаетъ теперь, что ея душевный недугъ овладѣлъ ею какъ разъ въ этомъ самомъ мѣсяцѣ.

Арихольмъ. А развѣ это было не такъ?

Вангель. Совсѣмъ не такъ. Еще задолго до того времени уже замѣтны были нѣкоторые признаки или предвѣстники. Правда, что, случайно, какъ разъ въ мартѣ мѣсяцѣ, три года тому назадъ, у нея былъ довольно сильный приступъ.

Арихольмъ. Значить все-таки!

Вангель. Да, но это совершенно просто объясняется тѣмъ состояніемъ—тѣми обстоятельствами, въ которыхъ она находилась именно въ это время.

Арихольмъ. Стало быть, одно доказательство уничтожается другимъ.

Вангель (*сжимая руки*). И не имѣтъ возможности помочь ей! Положительно не знать, что бы такое сдѣлать! Не видѣть предъ собой никакого цѣлебнаго средства!

Арихольмъ. А если-бъ вы рѣшились переѣхать нѣсто жительства? Переѣхать отсюда куда-нибудь? Чтобъ она могла найти для себя обстановку, которая больше напоминала бы ей ея родину?

Вангель. Ахъ, голубчикъ, неужели вы думаете, что я не предлагалъ ей и этого! Я убѣждалъ ее переѣхать въ Скьольдвикъ. Но она не хочетъ.

Арихольмъ. И этого не хочетъ?

Вангель. Нѣтъ. Она не вѣритъ, чтобъ это могло принести ей какую-нибудь пользу. И пожалуй что она права.

Арихольмъ. Гм.,—вы думаете?

Вангель. Да, и кромѣ того, когда я обдумываю самъ съ собою этотъ планъ, то право затрудняюсь, какъ мнѣ осуществить его. Мнѣ кажется, что мой долгъ относительно моихъ дочерей не позволяетъ мнѣ переѣхать въ такое захолустье. Мнѣ надо жить съ ними въ такомъ мѣстѣ, гдѣ есть хоть какая-нибудь надежда пристроить ихъ.

Арихольмъ. Пристроить? Развѣ вы ужъ подумываете объ этомъ?

Вангель. Ну да, Господи Воже!—вѣдь мнѣ надо и объ этомъ позаботиться! Но съ другой стороны, опять-таки, моя бѣдная, больная Элида! Ахъ, дорогой Арихольмъ, я, право—во многихъ отношеніяхъ нахожусь межъ двухъ огней!

Арихольмъ. О Боже! вамъ пожалуй нечего особенно беспокоиться... (*Обрывая рѣчь*.) Желалъ-бы я знать, куда она, куда онѣ обѣ дѣвались? (*Онъ подходитъ къ открытой двери и выглядываетъ въ садъ*.)

Вангель (*стоитъ у фортепiano*). О, я такъ охотно принесъ-бы какую угодно жертву

ради ихъ всѣхъ трехъ. Еслибъ я только зналъ, что имѣ дѣлать!

(Элида *входитъ въ дверь направо*.)

Элида (*торопливо говоритъ Вангелю*). Не уходи пожалуйста изъ дому нынче утромъ.

Вангель. Нѣтъ, нѣтъ, будь спокойна. Я останусь съ тобою. (*Указываетъ на Арихольма, который приближается къ ней*.) Но что-же ты не здороваешься съ нашими другомъ?

Элида (*обернувшись*). А, вы здѣсь, господинъ Арихольмъ! (*Протягиваетъ ему руку*.) Добраго утра!

Арихольмъ. Добраго утра, фруэ. Такъ вы сегодня противъ обыкновенія не пошли купаться?

Элида. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Сегодня и рѣчи не можетъ быть объ этомъ. Но развѣ вы не посидите съ нами?

Арихольмъ. Нѣтъ, очень вамъ благодаренъ—теперь не могу. (*Смотритъ на Вангеля*.) Я обѣщаль дѣвочкамъ придти къ нимъ въ садъ.

Элида. Ну, это еще вопросъ, застанете-ли вы ихъ въ саду! Я, по крайней мѣрѣ, никогда не знаю, гдѣ онѣ находятся.

Вангель. О, онѣ навѣрно внизу, у пруда.

Арихольмъ. Посмотришь, можетъ быть имѣ и удастся напасть на ихъ слѣдъ. (*Кивнувъ имъ головой, онъ уходитъ черезъ веранду въ садъ направо*.)

Элида. Который часъ, Вангель?

Вангель (*вынимаетъ свои часы*). Теперь двѣнадцатый часъ въ началѣ.

Элида. Двѣнадцатый часъ въ началѣ. А въ одиннадцать часовъ, въ половинѣ двѣнадцатаго ночи приходитъ пароходъ. О, только-бъ имѣ скорѣй пережить это!

Вангель (*подходитъ къ ней ближе*). Дорогая Элида, имѣ очень хотѣлось-бы предложить тебѣ одинъ вопросъ.

Элида. Насчетъ чего?

Вангель. Третьяго дня вечеромъ на «Проспектѣ» ты сказала мнѣ, что въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ ты такъ часто видѣла его предъ собой, какъ живого.

Элида. Да, и я говорила правду. Ты можешь повѣрить мнѣ.

Вангель. Хорошо, но какъ-же ты видѣла его?

Элида. Какъ я его видѣла?

Вангель. Я хочу сказать—какимъ казался онъ тебѣ съ виду, когда ты думала, что онъ стоитъ передъ тобой?

Элида. Но, дорогой мой Вангель, вѣдь ты самъ знаешь теперь, каковъ онъ съ виду.

Вангель. Такъ онъ былъ такимъ-же и въ твоёмъ представленіи?

Элида. Да, такимъ.

Вангель. Совершенно такимъ, какимъ вчера вечеромъ ты видѣла его въ дѣйствительности?

Элида. Да, совершенно такимъ.

Вангель. Хорошо, но отчего же въ такомъ случаѣ ты не сразу узнала его?

Элида (*озадаченная*). Развѣ я не узнала его?

Вангель. Нѣтъ. Ты сама потомъ говорила мнѣ, что сначала ты рѣшительно не могла понять, кто этотъ чужой человѣкъ.

Элида (*пораженная*). Да, да, въ самомъ дѣлѣ! Не правда-ли, какъ это странно, Вангель! Подумай только, что я не сразу узнала его!

Вангель. Ты говорила, что только по глазамъ...

Элида. О да, — эти глаза! Эти глаза!

Вангель. Хорошо, но на «Проспектѣ» ты говорила, что онъ всегда являлся предъ тобою совершенно такимъ, какимъ онъ былъ, когда вы разставались въ Браттгаммерѣ десять лѣтъ тому назадъ.

Элида. Я говорила это?

Вангель. Да.

Элида. Значитъ въ то время онъ былъ приблизительно такимъ же, какъ и теперь.

Вангель. Нѣтъ. Ты совсѣмъ иначе описала мнѣ его третьяго дня вечеромъ, по дорогѣ домой. Ты сказала, что десять лѣтъ тому назадъ онъ не носилъ бороды, и что онъ одѣвался совсѣмъ не такъ. А потомъ, эта булавка съ жемчужиной, вчера вѣдь ея не было на немъ?

Элида. Нѣтъ, не было.

Вангель (*смотритъ на нее испытующимъ взглядомъ*). Подумай же еще разъ объ этомъ, дорогая Элида. Или — можетъ быть, ты не въ состояніи больше припомнить, каковъ онъ былъ съ виду, когда прощался съ тобою въ Браттгаммерѣ?

Элида (*погружившись въ размышленія, закрываетъ глаза*). Не совсѣмъ отчетливо. Нѣтъ — сегодня я окончательно не могу. Развѣ это не удивительно?

Вангель. Вовсе не такъ удивительно. Теперь передъ тобою выступилъ новый, дѣйствительный образъ. И этотъ образъ заслоняетъ собою прежній, такъ что ты не можешь больше видѣть его.

Элида. Ты думаешь это, Вангель?

Вангель. Да. И вѣстѣ съ тѣмъ онъ заслоняетъ собою и твои болѣзненные представленія. Поэтому хорошо, что дѣйствительность наступила.

Элида. Хорошо! Ты говоришь, что это хорошо!

Вангель. Да, что она наступила. Можетъ быть, она принесетъ тебѣ исцѣленіе.

Элида (*садится на диванъ*). Вангель, поди сюда, сядь возлѣ меня. Я должна высказать тебѣ всѣ свои мысли.

Вангель. Да, да, сдѣлай это, дорогая Элида. (*Она садится на стулъ по другую сторону стола.*)

Элида. Это было въ сущности большиимъ несчастьемъ для насъ обоихъ, что судьба соединила именно насъ съ тобою.

Вангель (*озадаченный*). Что ты говоришь?!

Элида. Да, да, это было несчастьемъ. Да это и понятно. Это и не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ несчастьемъ, при тѣхъ условіяхъ, при какихъ мы сошлись съ тобою.

Вангель. Что же было въ нихъ дурнаго?

Элида. Послушай, Вангель — намъ не къ чему долѣе лгать самимъ себѣ или другъ другу.

Вангель. Лгать, говоришь ты? Но развѣ мы лжемъ?

Элида. Да, лжемъ. Или — во всякомъ случаѣ... скрываемъ истину. Потому что истина... чистая, неприкрашенная истина... все-таки та... что ты пришелъ ко мнѣ и... и купилъ меня.

Вангель. Купилъ!.. ты говоришь... купилъ!

Элида. О, вѣдь я и была ничуть не лучше тебя. Я согласилась на торгъ. Я точно же продалась тебѣ.

Вангель (*смотритъ на нее съ глубокимъ огорченіемъ*). Элида... неужели у тебя въ самомъ дѣлѣ хватаетъ духу такъ называть это?

Элида. Но вѣдь этому и нѣтъ другаго названія! Ты не могъ долѣе выносить пустоты въ своемъ домѣ. Ты желалъ найти себѣ вторую жену...

Вангель. И вторую мать своихъ дѣтей, Элида.

Элида. Можетъ быть и это... такъ, кстати. Хотя... ты вѣдь рѣшительно не зналъ, способна-ли я занять это мѣсто. Ты вѣдь только видѣлъ меня... и два-три раза немного поговорилъ со мною. — Я тебѣ понравилась, и вотъ...

Вангель. Ну да, называй это какъ тебѣ угодно.

Элида. А я, съ своей стороны... Вѣдь я была такъ неопытна, такъ безпомощна, до такой степени одинока! Совершенно естественно, что я согласилась... когда ты явился и предложилъ мнѣ обезпечить меня на всю жизнь.

Вангель. Я право же смотрѣлъ на это не какъ на обезпеченіе, дорогая Элида. Я прямо и честно спросилъ тебя, хочешь-ли ты раздѣлить со мною и съ моими дѣтьми то немногое, что я могу назвать своимъ.

Элида. Да, это такъ. Но я все-же не должна была принимать этого! Ни за что въ мірѣ не должна была принимать! Не должна была продавать себя! Лучше самый скудный заработокъ... лучше самое жалкое существованіе... но по доброй волѣ... а по собственному выбору!

Вангель (*встаетъ*). Такъ неужели же пять, даже шесть лѣтъ, которыя мы прожили вѣстѣ, не имѣли для тебя никакой цѣны?

Элида. Ахъ нѣтъ, не думай этого, Вангель! Мнѣ такъ хорошо жилось здѣсь у тебя, что

лучшаго и желать нельзя! Но я не по доброй волѣ вступила въ твой домъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Вангель (*смотритъ на нее*). Не по доброй волѣ?

Элида. Нѣтъ. Я не добровольно отправилась сюда съ тобой.

Вангель (*понижаетъ голосъ*). А, — я вспоминаю... вчерашнія слова.

Элида. Въ этихъ словахъ заключается все. Они все уяснили мнѣ. Поэтому-то я и вижу это теперь.

Вангель. Что-же ты видишь?

Элида. Я вижу, что та жизнь, которой мы живемъ съ тобой... что она въ сущности вовсе не бракъ.

Вангель (*съ ироніею*). Это ты правду сказала. Наша *теперешняя* жизнь не есть бракъ.

Элида. Да и прежняя наша жизнь не была бракомъ. Никогда не была имъ. Даже съ самого начала. (*Устремивъ взоръ въ пространство*). То, нервное... еще могло-бы быть настоящимъ, дѣйствительнымъ бракомъ.

Вангель. Первое? Что первое?

Элида. Мой бракъ... съ нимъ.

Вангель (*смотритъ на нее съ удивленіемъ*). Я рѣшительно не понимаю тебя!

Элида. О, дорогой мой Вангель... не будемъ лгать другъ другу. Не будемъ лгать и самимъ себѣ.

Вангель. Ну хорошо! Но что же дальше? Ради самого Неба!

Элида (*порывисто поднимается съ своего мѣста*). Позволь мнѣ уѣхать отъ тебя, Вангель! Вангель. Элида! Элида!

Элида. Да, да, позволь мнѣ уѣхать! Поѣзди мнѣ... намъ все равно не останется ничего другого... послѣ того, что мы такъ сошлись съ тобой.

Вангель (*стараясь побѣдить свое горе*). Такъ вотъ къ чему пришли мы, Элида!

Элида. Мы должны были придти къ этому. Иначе и быть не могло.

Вангель (*смотритъ на нее съ печалью*). Значитъ, и чрезъ совѣстную жизнь не овладѣлъ я твоимъ сердцемъ. Никогда, никогда не была ты всецѣло моею!

Элида. О, Вангель, — еслибъ я только могла любить тебя такъ, какъ мнѣ-бы хотѣлось! Такъ беззаветно, какъ ты того заслуживаешь! Но я чувствую, я чувствую, — этого никогда не будетъ.

Вангель. Значитъ, разводъ? Ты требуешь развода... полнаго, формальнаго развода?

Элида. Милый, какъ мало ты понимаешь меня! Что мнѣ за дѣло до формы! Мнѣ кажется, что суть вовсе не въ такія вышнія вещи. То, чего я желаю, это чтобъ мы съ тобой согласились разойтись по доброй волѣ.

Вангель (*съ ироніею, медленно кивая головою*). Расторгнуть сдѣлку — да?

Элида (*съ оживленіемъ*). Да, именно! Расторгнуть сдѣлку!

Вангель. А потомъ, Элида? Что же будетъ потомъ? Подумала ли ты, что ожидаетъ насъ обонуть впередъ? Какъ послѣ этого сложится жизнь для тебя и для меня?

Элида. Это безразлично. Пусть она складывается потомъ такъ или иначе. Вѣдь то, о чемъ я прошу, о чемъ умоляю тебя, Вангель... оно вѣдь важнѣе всего! Дай мнѣ только свободу! Верни мнѣ полную свободу!

Вангель. Элида... ты ставишь мнѣ жестокое требованіе. Дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, срокъ, чтобъ я могъ собраться съ мыслями и придти къ какому-нибудь рѣшенію. Поговоришь еще объ этомъ. Дай и самой себѣ время обдумать то, что ты дѣлаешь.

Элида. Но намъ нельзя терять время на это! Вѣдь я должна сегодня же вернуть себѣ свободу!

Вангель. Почему именно сегодня?

Элида. Почему? Потому что онъ придетъ вѣдь нынче ночью.

Вангель (*вздвигая*). Придетъ! Онъ! При чемъ тутъ незнакомецъ?

Элида. Я хочу предстать передъ нимъ совершенно свободная.

Вангель. И что-же... что-же ты думаешь сдѣлать потомъ?

Элида. Я не хочу отговариваться тѣмъ, что я жена другого, — не хочу отговариваться тѣмъ, что нѣтъ у меня свободы выбора. Потому что тогда это не было-бы рѣшеніемъ.

Вангель. Ты говоришь о выборѣ! О выборѣ, Элида! О выборѣ въ этомъ дѣлѣ!

Элида. Да, я должна имѣть свободу выбора. Должна имѣть возможность выбрать то или другое. Должна имѣть право отпустить его одного... или же... послѣдовать за нимъ.

Вангель. Понимаешь-ли ты сама, что ты говоришь? Послѣдовать за нимъ! Отдать всю свою судьбу въ его руки!

Элида. Но развѣ я не отдала всю свою судьбу въ твои руки? И отдала, не задумываясь.

Вангель. Пусть такъ! Но онъ! Онъ! Человѣкъ, неизвѣстно откуда взявшійся! Человѣкъ, о которомъ ты такъ мало знаешь!

Элида. Но вѣдь тебя я знала пожалуй еще меньше. И все-таки я пошла за тобой.

Вангель. Во всякомъ случаѣ, тогда ты знала приблизительно, какого рода жизни ты идешь на встрѣчу. Но здѣсь! Здѣсь! Одумайся, Элида! Что знаешь ты здѣсь! Ничего рѣшительно не знаешь. Не знаешь даже, кто онъ такой... или что онъ такое.

Элида (*устремивъ взоръ въ пространство*). Это правда. Но именно это и ужасно.

Вангель. Да, безъ соннѣнія, это ужасно...

Элида. Потому-то мнѣ и кажется, что я должна пойти на это.

Вангель (*смотритъ на нее*). Потому что это представляется тебѣ ужаснымъ?

Элида. Да, именно поэтому.

Вангель (*подходя ближе*). Послушай, Элида... что собственно подразумеваешь ты под словомъ «ужасное»?

Элида (*вздыхая*). «Ужасное» это то, что пугаетъ и влечетъ.

Вангель. И влечетъ тоже?

Элида. Мнѣ кажется, больше влечетъ, чѣмъ пугаетъ.

Вангель (*медленно*). Ты сродни морю.

Элида. Это тоже ужасно.

Вангель. Это «ужасное» кроется и въ тебѣ. Ты тоже и пугаешь, и влечешь.

Элида. Ты думаешь это, Вангель?

Вангель. Я должно быть никогда не зналъ тебя вполне,—никогда не могъ проникнуть въ самую глубь твоей природы. Я начинаю понимать это теперь.

Элида. Поэтому-то ты и долженъ вернуть мнѣ свободу, долженъ снять съ меня всѣ обязательства относительно тебя и твоей семьи. Я не та, за которую ты принялъ меня. Вѣдь ты самъ теперь видишь это. Теперь мы можемъ разстаться мирно — и по доброй волѣ.

Вангель (*съ грустью*). Можетъ быть, было бы всего лучше для насъ обоихъ, еслибъ мы разстались... Но я все-таки не могу этого!.. Ты олицетворяешь для меня «ужасное», Элида. Обаяніе — всего сильнѣе въ тебѣ.

Элида. Ты такъ думаешь?

Вангель. Постараемся похладнокровнѣе встрѣтить нынѣшній вечеръ, Элида, встрѣтить его съ полнымъ спокойствіемъ духа. Мнѣ нельзя освободить в отпустить тебя сегодня. Совѣсть не позволяетъ мнѣ этого, не позволяетъ ради тебя самой, Элида. Я не отступлюсь отъ своего права и своего долга защищать тебя.

Элида. Защищать? Противъ чего будешь ты защищать меня? Вѣдь мнѣ угрожаетъ не какая-нибудь внѣшняя сила или власть. «Ужасное» лежитъ глубже, Вангель! «Ужасное» — это стремленіе въ моей собственной душѣ. А что-же можешь ты сдѣлать противъ него?

Вангель. Я могу поддержать и укрѣпить тебя въ борьбѣ съ нимъ.

Элида. Да, еслибъ я хотѣла бороться съ нимъ.

Вангель. А развѣ ты не хочешь?

Элида. О, вѣдь это именно то, чего я и сама не знаю.

Вангель. Нынче ночью все рѣшится, дорогая Элида.

Элида (*внезапно вскрикиваетъ*). Да, да, подумай только! Рѣшеніе такъ близко! Рѣшеніе на всю жизнь!

Вангель. А затѣмъ завтра...

Элида. Да, завтра! Быть можетъ, завтра, то, что будущее сулило мнѣ, ускользнетъ отъ меня навсегда!

Вангель. Что будущее сулило тебѣ?

Элида. Полная, цѣльная жизнь на свободѣ ускользнетъ отъ меня навсегда! А быть можетъ, и отъ него.

Вангель (*тише, схвативъ ее за руку*). Элида,—ты любишь этого незнакомца?

Элида. Люблю-ли? Ахъ, почему я знаю! Я знаю только то, что онъ для меня воплощеніе «ужаснаго», и что...

Вангель. И что еще?

Элида (*вырывая свою руку*). И что ему-то, какъ мнѣ кажется, я и должна принадлежать.

Вангель (*опуская голову*). Я начинаю понимать почти все.

Элида. И что же можешь ты придумать противъ этого? Чѣмъ можешь ты помочь мнѣ?

Вангель (*смотритъ на нее съ грустью*). Завтра, завтра онъ, стало быть, уйдетъ. Несчастье не будетъ болѣе грозить тебѣ. И тогда я согласенъ отдать тебѣ свободу и отпустить тебя. Мы расторгнемъ сдѣлку, Элида.

Элида. О, Вангель! Завтра! Вѣдь, завтра будетъ слишкомъ поздно!

Вангель (*выглядываетъ въ садъ*). Дѣти! Дѣти! Пощади мѣ въ крайней мѣрѣ, хоть пока.

(Архольмъ, Болетта, Хильда и Лингстранъ показываются въ саду. Лингстранъ прощается внизу и уходитъ налево. Остальные входятъ въ комнату.)

Архольмъ. Знаете-ли вы, какіе мы строили планы?

Хильда. Мы хотимъ въ сумерки отправиться въ фюрдъ и...

Болетта. Нѣтъ, нѣтъ, не рассказывай!

Вангель. А мы тутъ тоже строили планы.

Архольмъ. А, въ самомъ дѣлѣ?

Вангель. Завтра Элида уѣзжаетъ въ Скольдвикъ, на нѣкоторое время.

Болетта. Уѣзжаетъ?

Архольмъ. Вотъ какъ! Это очень благоразумно съ вашей стороны, фру Вангель.

Вангель. Элидѣ хочется на родину. Хочется снова увидеть море.

Хильда (*подбѣгаетъ къ Элидѣ*). Ты уѣзжаешь?—Уѣзжаешь отъ насъ?

Элида (*съ испугомъ*). Что ты, Хильда? Что съ тобой дѣлается?

Хильда (*овладѣвъ собой*). Ничего, ничего. (*Вполголоса, отвернувшись отъ нея*). Ну, что-жъ, и уѣзжай!

Болетта (*со страхомъ*). Папа, я вижу по твоему лицу, ты... ты тоже уѣдешь въ Скольдвикъ.

Вангель. Нѣтъ, конечно нѣтъ! Я, можетъ быть, изрѣдка буду навѣщать туда.

Болетта. А сюда, къ намъ?

Вангель. Я тоже буду...

Болетта. Навѣщать изрѣдка, да?

Вангель. Милое дитя, надо этому покориться.
(*Он уходит на задній планъ.*)

Арихольмъ (*шепчетъ Болеттѣ*). Мы послѣ потолкуемъ съ вами, Болетта. (*Онъ подходитъ къ Вангелю. Они тихо разговариваютъ между собой, стоя у двери.*)

Элида (*сполохоса Болеттѣ*). Что это съ Хильдой? Она нѣтъ показалась такой разстроенной.

Болетта. Развѣ ты никогда не замѣчала, чего Хильда жаждала изо дня въ день?

Элида. Жаждала?

Болетта. Съ той самой минуты, какъ ты вошла въ нашъ домъ?

Элида. Нѣтъ, нѣтъ, говори-же.

Болетта. Хоть одного слова любви отъ тебя.

Элида. А! Что если здѣсь есть дѣло для меня! (*Она стоитъ, заложивъ руки надъ головою и устремивъ неподвижный взоръ въ пространство, какъ-бы охваченная противоположными мыслями и чувствами. Вангель и Арихольмъ проходятъ по комнатѣ, шепотомъ разговаривая между собою. Болетта заглядываетъ въ сосѣдную комнату направо. Затѣмъ она отворяетъ дверь.*)

Болетта. Ну, милый папа, обѣдь на столѣ. Если ты...

Вангель (*съ принужденнымъ спокойствіемъ*). Въ самомъ дѣлѣ, дитя? Отлично.— Милости просить, профессор! Пойдемте и чокнешся въ прощанье съ «госпожею съ моря». (*Они направляются къ двери направо.*)

ПЯТЫЙ АКТЪ.

(*Отдаленная часть сада при домѣ доктора Вангеля, около пруда. Лѣтняя ночь. Сумракъ все болѣе и болѣе надвигается.*)

(*Арихольмъ, Болетта, Лингстранъ и Хильда причаливаютъ въ лодкѣ къ берегу съ лѣвой стороны.*)

Хильда. Смотрите, здѣсь намъ будетъ очень удобно выпрыгнуть на землю!

Арихольмъ. Нѣтъ, нѣтъ, не дѣлайте этого.

Лингстранъ. Я не рѣшусь выпрыгнуть, френъ.

Хильда. А вы, Арихольмъ, вы тоже не рѣшитесь?

Арихольмъ. Я лучше не стану пробовать.
Болетта. Такъ причаливъ такъ, у спуска въ купальню.

(*Они требутъ направо.*)

(*Въ эту минуту съ правой стороны показывается Баллестедъ, съ нотами и валторной въ рукахъ. Онъ кланяется сидящимъ въ лодкѣ, повертывается къ нимъ и вступаетъ съ ними въ разговоръ. Отвѣты слышатся все дальше и дальше.*)

Баллестедъ. Что вы говорите? Да, конечно, это въ честь англійскаго парохода. Вѣдь онъ зашелъ сюда въ послѣдній разъ въ этотъ году. Но, если вы желаете насладиться музыкой, то вагъ нечего мѣшкать. (*Кричитъ.*) Что? (*Качаетъ головою.*) Не слышу, что вы говорите!

(*Элида, съ шалью, накинутой на голову, выходитъ съ лѣвой стороны; докторъ Вангель слѣдуетъ за ней.*)

Вангель. Но, дорогая Элида, увѣряю тебя, времени еще очень много.

Элида. Нѣтъ, нѣтъ, вовсе не много! Онъ можетъ придти каждую минуту.

Баллестедъ (*изъ за-изгороди*). Добрый вечеръ, господинъ докторъ! Добрый вечеръ, фруз!
Вангель (*увидѣвъ его*). А, это вы! Что, нынче вечеромъ опять будетъ музыка?

Баллестедъ. Какъ-же! Общество духовой музыки даетъ нынче концертъ. Въ эту пору года у насъ всегда найдется предлогъ къ какому-нибудь празднику. Нынче ночью мы чествуемъ англійскій пароходъ.

Элида. Англійскій пароходъ? Развѣ онъ уже видѣнъ?

Баллестедъ. Пока еще нѣтъ. Но вѣдь онъ идетъ въ фьорда, между островами. Не успѣешь оглянуться, какъ онъ уже будетъ здѣсь.

Элида. Да, это совершенно вѣрно.

Вангель (*обращаясь больше къ Элидѣ*). Нынче ночью его послѣдній рейсъ. Больше онъ не вернется.

Баллестедъ. Печальная мысль, господинъ докторъ! Но поэтому-то мы и хотимъ, какъ я уже сказалъ, устроить ему торжественные проводы. Увы, увы! Скоро придетъ конецъ веселой лѣтней порѣ! Скоро замкнутся всѣ проливы, какъ говорится въ трагедіи.

Элида. Да, замкнутся всѣ проливы.

Баллестедъ. Грустно подунать объ этомъ! Цѣлыя недѣли, цѣлые мѣсяцы были мы веселыми баловнями лѣта. Тяжело мириться съ сурачными днями. Правда, только вначалѣ. Потому что люди могутъ алки - а - клинатирироваться, фру Вангель. Да, да, по истинѣ могутъ.

(*Онъ раскланивается и уходитъ налѣво.*)

Элида (*смотритъ на фьордъ*). О, это чудительное ожиданіе! Эти несносныя послѣднія минуты предъ рѣшеніемъ!

Вангель. Такъ ты все еще стоишь на своемъ? Хочешь сама переговорить съ нимъ?

Элида. Я *должна* переговорить съ нимъ сама. Потому что мнѣ необходимъ вѣдъ самостоятельный выборъ.

Вангель. Тебѣ нечего выбирать, Элида. Ты не имѣешь права выбирать. Я не дамъ тебѣ этого права.

Элида. Ты не можешь помѣшать моему выбору. Ни ты и никто другой. Ты можешь запретить мнѣ уѣхать съ нимъ, запретить мнѣ послѣдовать за нимъ, въ томъ случаѣ, если-бы я это выбрала. Ты можешь удерживать меня здѣсь силою, противъ моей воли. Это ты можешь. Но выбрать, выбрать въ глубинѣ моей души, выбрать его, а не тебя, если-бы я захотѣла и должна была-бы выбрать такъ, этому ты не можешь помѣшать.

Вангель. Да, ты права. Этому я не могу помѣшать.

Элида. И притомъ, что можетъ побудить меня къ борьбѣ? Здѣсь нѣтъ вѣдъ ровно ничего, что бы меня притягивало и удерживало. Вѣдъ я совсѣмъ не сроднилась съ твоимъ домомъ, Вангель. Дѣти, не мои дѣти; я хочу сказать, что сердце ихъ закрыто для меня, и всегда оставалось для меня закрытымъ. Когда я уѣду, если только я уѣду—съ нимъ-ли нынче ночью, или въ Скольдвикъ завтра, то мнѣ не придется сдать ни одного ключа, не придется сдѣлать никакого распоряженія. Я совершенно чужая въ твоемъ домѣ. До такой степени была я въ сторонѣ отъ всего съ самой первой минуты!

Вангель. Ты сама такъ хотѣла.

Элида. Нѣтъ, нѣтъ. Нельзя сказать, чтобъ я хотѣла этого или не хотѣла. Я просто оставила все такъ, какъ это было въ тотъ день, когда я явилась сюда. Ты самъ, а никто другой хотѣлъ, чтобъ это шло такимъ образомъ.

Вангель. Я думалъ устроить все къ лучшему для тебя.

Элида. О да, Вангель, я отлично знаю это! Но тутъ кроется возмездіе. Судьба караетъ насъ съ тобой. Потому что нѣтъ теперь налицо никакой связующей силы, никакой опоры для меня, никакой помощи, никакого влеченія ко всему тому, что должно-бы быть нашимъ общимъ завѣтнымъ достояніемъ.

Вангель. Да, я вижу это, Элида. И потому-то съ завтрашняго дня ты снова будешь свободна. Ты получишь возможность начать жить своей собственной жизнью.

Элида. И это ты называешь моей собственной жизнью?! О нѣтъ! моя собственная, моя настоящая жизнь вышла изъ коленъ тогда, когда я согласилась на совѣстную жизнь съ тобою. (*Въ страхъ и тревогъ сжимаетъ руки.*) А теперь, въ эту ночь, черезъ полчаса, придетъ онъ, которому я измѣнила, онъ, кото-

рону я должна была остаться непоколебимо вѣрна, какъ и онъ былъ мнѣ непоколебимо вѣренъ! Онъ придетъ и предложитъ мнѣ въ послѣдній, самый послѣдній разъ начать жить съизнова, начать жить моей собственной, настоящей жизнью, той жизнью, которая пугаетъ и влечетъ и отъ которой я не *могу* отказаться! Не могу отказаться по доброй волѣ!

Вангель. Именно поэтому и необходимо, чтобы твой мужъ и виѣсть съ тѣмъ твой врачъ отняли у тебя власть свободно распоряжаться собою, и самъ дѣйствовалъ за тебя.

Элида. Да, Вангель, я отлично понимаю это. О, повѣрь мнѣ, бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что я нашла бы себѣ миръ и спасеніе, если-бы довѣрилась твоему руководству и попыталась противостать всѣмъ чарующимъ, всѣмъ устрашающимъ силамъ. Но я не могу и этого. Нѣтъ, нѣтъ, не могу!

Вангель. Пойдемъ, Элида, пройдемся немножко по саду.

Элида. Я охотно пошла-бы. Но я не смѣю. Вѣдъ онъ сказалъ, что я должна ждать его здѣсь.

Вангель. Пойдемъ. У тебя еще достаточно времени.

Элида. Ты думаешь?

Вангель. Еще много времени, говорю тебѣ.

Элида. Ну, такъ пройдемся.

(*Они проходятъ черезъ авансцену направо.*)

Въ ту же минуту Арихольмъ и Болетта покачиваются у берега пруда.)

Болетта (*замѣтивъ отца и Элиду*). Посмотрите!

Арихольмъ (*тихо*). Тсс., не мѣшайте нить.

Болетта. Понимаете вы, что такое происходитъ между ними всѣ эти дни?

Арихольмъ. Развѣ вы что-нибудь замѣтили?

Болетта. Замѣтила-ли я!

Арихольмъ. Что-нибудь особенное?

Болетта. О, да. Странныя вещи. А вы развѣ не замѣтили?

Арихольмъ. Я право не знаю.

Болетта. Конечно, замѣтили. Только вы не хотите сказать.

Арихольмъ. Я думаю, что это маленькое путешествіе будетъ полезно для вашей мачихи.

Болетта. Вы думаете?

Арихольмъ. Да, мнѣ кажется, что для васъ всѣхъ было-бы пожалуй хорошо, если-бы она могла отъ времени до времени предпринимать небольшія поѣздки.

Болетта. Если она отправится завтра на родину въ Скольдвикъ, то навѣрно никогда больше не вернется къ намъ.

Арихольмъ. Милая Болетта, что это вамъ вздумалось?

Болетта. Да, я твердо увѣрена въ этомъ. Попонните мои слова! Вы увидите, она не вер-

нется. Во всякомъ случаѣ, пока мы съ Хильдой будемъ жить дома.

Арихольмъ. Вы говорите и о Хильдѣ?

Болетта. Ну, съ Хильдой она можетъ быть и ужилась-бы. Вѣдь Хильда почти совсѣмъ еще дѣтя, и мнѣ кажется, что въ сущности она боготворитъ Эллиду. Но я, видите-ли, совсѣмъ другое дѣло. Мачиха, которая не настолько ужъ старше меня самой...

Арихольмъ. Милая Болетта, отъ васъ, можетъ быть, не очень далеко то время, когда вамъ можно будетъ вырваться на волю.

Болетта (*съ оживленіемъ*). Неужели? Вы, значитъ, говорили объ этомъ съ папой?

Арихольмъ. Да, я и съ нимъ говорилъ.

Болетта. Ну, и что-же сказалъ онъ?

Арихольмъ. Гм.,—вѣдь вашъ батюшка эти послѣдніе дни такъ поглощенъ другими заботами.

Болетта. Да, да, это я вамъ и раньше говорила.

Арихольмъ. Но я узналъ отъ него по крайней мѣрѣ, что вамъ нельзя рассчитывать на его содѣйствіе.

Болетта. Нельзя рассчитывать?

Арихольмъ. Онъ такъ ясно представилъ мнѣ положеніе своихъ дѣлъ. Онъ говоритъ, что это было-бы для него совершенно невозможно.

Болетта (*съ упрекомъ*). И у васъ послѣ этого хватило духу такъ дурачить меня!

Арихольмъ. У меня этого и въ мысляхъ не было, дорогая Болетта. Отъ васъ самой вполне зависитъ уѣхать отсюда или остаться.

Болетта. Что такое зависитъ отъ меня, говорите вы?

Арихольмъ. Отъ васъ зависитъ увидѣть міръ Божій, узнать все то, что васъ особенно интересуетъ, сдѣлаться участницей всего того, что теперь такъ сильно манитъ васъ, начать жить при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, Болетта. Что вы на это скажете?

Болетта (*всплеснувъ руками*). О, Господи Боже! Но вѣдь это совершенно невозможно—то, о чемъ вы говорите. Если папа и не хочетъ этого, и не можетъ, стало быть... Вѣдь у меня же въ цѣломъ мірѣ нѣтъ никого другаго, къ кому я могла бы обратиться.

Арихольмъ. А развѣ вы не рѣшились-бы принять небольшую поощь отъ вашего стар... отъ вашего бывшаго учителя?

Болетта. Отъ васъ, господинъ Арихольмъ? Неужели вы хотите?

Арихольмъ. Оказать вамъ содѣйствіе? О да, я такъ горячо желалъ бы помочь вамъ, помочь вамъ и словомъ и дѣломъ. Вы можете положиться на меня. Такъ по рукамъ? Что вы скажете? Вы согласны?

Болетта. Согласна-ли я! Вырваться на волю, увидѣть міръ Божій, приобрѣсти настоящія, основательныя знанія! Достичь всего того, что

мнѣ представлялось такою чудной, несбыточной мечтой!

Арихольмъ. Да, все это можетъ сдѣлаться для васъ теперь дѣйствительностью. Если только вы сами пожелаете.

Болетта. И вы готовы облегчить мнѣ путь къ достиженію этого невыразимаго счастья! О, но скажите мнѣ, могу-ли я принять подобную жертву отъ посторонняго человѣка?

Арихольмъ. Отъ меня вы можете спокойно принять ее, Болетта. Отъ меня вы можете принять что-бы то ни было.

Болетта (*беретъ ея за руки*). Да, мнѣ и самой кажется, что я могу принять ее! Я не знаю, какъ объяснить это, но (*съ внезапнымъ порывомъ*) Ахъ, мнѣ хочется и сѣяться и плакать отъ радости! Отъ блаженства! Значитъ, я все-таки буду жить такъ, какъ мнѣ мечталось. Я уже начинала бояться, что жизнь пройдетъ мимо меня.

Арихольмъ. Вамъ нечего опасаться этого, дорогая Болетта. Но скажите-же мнѣ теперь совершенно искренно, нѣтъ-ли чего-нибудь, чего-нибудь такого, что васъ связывало-бы съ этимъ мѣстомъ?

Болетта. Связывало-бы? Нѣтъ, ничто меня не связываетъ.

Арихольмъ. Ничего рѣшительно?

Болетта. Нѣтъ, ровно ничего. То есть любовь къ папѣ, конечно, удерживаетъ меня здѣсь до нѣкоторой степени. Хильда тоже, но...

Арихольмъ. Ну, съ вашими батюшкой вамъ все равно надо будетъ рано или поздно разстаться. А что касается Хильды, то вѣдь и ей когда-нибудь придется начать самостоятельную жизнь. Значитъ, это только вопросъ времени; не иначе. Но у васъ нѣтъ, стало быть, ничего другаго, что васъ связывало-бы, Болетта? Нѣтъ никакихъ другихъ обязательствъ?

Болетта. Нѣтъ, рѣшительно никакихъ. Если все дѣло только въ этомъ, то я могу уѣхать куда угодно.

Арихольмъ. Если это такъ, дорогая Болетта, то вы можете уѣхать виѣсть со мной.

Болетта (*хлопаетъ въ ладоши*). Господи, Господи! Какое счастье подумать объ этомъ!

Арихольмъ. Вѣдь я надѣюсь, что вы иѣдете ко мнѣ полное довѣріе?

Болетта. Да, да, разувѣется!

Арихольмъ. И вы, стало быть, спокойно и сѣбло отдадите себя и свою будущность въ мои руки, Болетта? Не правда-ли, вы рѣшитесь это сдѣлать?

Болетта. О да, конечно! Ночему-же нѣтъ? Можете-ли вы сомнѣваться въ этомъ! Вы, мой старшій учитель, я хочу сказать, мой учитель въ старые годы.

Арихольмъ. Не потому только. Этой стороной вопроса я не придаю большаго значенія. Но вы, стало быть, свободны, Болетта. Васъ не связы-

вають никакія обязательства. Поэтому я и спрашиваю васъ, хотите-ли вы... хотите-ли вы соединить свою судьбу съ моею навсегда?

Болетта (*въ испугѣ отодвигается отъ него*). Ахъ, что вы говорите!

Арихольмъ. На всю жизнь, Болетта. Хотите-ли вы сдѣлаться моею женою?

Болетта (*вполголоса, какъ-бы говоря сама съ собою*). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Это невозможно! Совершенно невозможно!

Арихольмъ. Неужели это въ самомъ дѣлѣ кажется вамъ совершенно невозможнымъ?

Болетта. Вѣдь вы, конечно, не серьезно сказали это, господинъ Арихольмъ? (*Смотритъ на него*) или все-таки...? Такъ вы это подразумѣвали, когда предлагали такъ много сдѣлать для меня?

Арихольмъ. Выслушайте меня, Болетта. Мои слова, повидимому, сильно поразили васъ.

Болетта. О, какъ могли такія слова, сказанныя вами, какъ могли они не поразить меня!

Арихольмъ. Вы, можетъ быть, и правы. Вѣдь вы не знали, не могли знать, что только ради васъ я предпринялъ путешествіе въ эти края.

Болетта. Вы пріѣхали сюда ради меня?!

Арихольмъ. Да, да, Болетта. Весной я получилъ письмо отъ вашего батюшки. И одно мѣсто въ немъ заставило меня подумать, гм, что вы сохранили о вашемъ бывшемъ учителѣ воспоминаніе, нѣсколько... нѣсколько болѣе, чѣмъ дружеское...

Болетта. Какъ могъ папа написать такую вещь?

Арихольмъ. Онъ вовсе не это хотѣлъ сказать. Но какъ бы то ни было, я сжился мало по-малу съ мыслью о томъ, что въ этой сторонѣ есть молодая дѣвушка, которая тоскуетъ обо мнѣ и мечтаетъ о моемъ возвращеніи. Нѣтъ, не прерывайте меня, милая Болетта. И, видите ли, на человѣка, для котораго, какъ для меня, настоящая пора молодости уже миновала, такая увѣренность или фантазія производитъ необыкновенно сильное впечатлѣніе. Въ душѣ моей возникла живая, признательная любовь къ вамъ. Мнѣ казалось, что я долженъ пріѣхать сюда, долженъ свидѣться съ вами, сказать вамъ, что я раздѣляю чувства, которыя, какъ я вообразилъ себѣ, вы питаете ко мнѣ.

Болетта. Но разъ вы узнали, что этого нѣтъ! Что это была ошибка...

Арихольмъ. Ничего съ этимъ не подѣлаешь, Болетта... Вашъ образъ, какинъ я пошу его въ своемъ сердцѣ, навсегда сохранитъ колоритъ и отпечатокъ настроенія, вызваннаго во мнѣ этой ошибкой. Можетъ быть вы не въ состояніи понять этого, но это такъ.

Болетта. Никогда я не думала, чтобъ могло случиться что-нибудь подобное!

Арихольмъ. Но если это все-таки оказалось

возможнымъ? Что скажете вы тогда, Болетта? Можетъ быть, вы и рѣшитесь—рѣшитесь сдѣлаться моею женою?

Болетта. О, но нѣтъ, право, кажется, что это совершенно невозможно, господинъ Арихольмъ. Вѣдь вы были моимъ учителемъ! Я не могу представить себѣ никакихъ другихъ отношеній между нами!

Арихольмъ. Ну, въ такомъ случаѣ, если вы окончательно считаете это невозможнымъ, тогда, значитъ, отношенія наши не измѣнятся, дорогая Болетта.

Болетта. Что вы хотите сказать этимъ?

Арихольмъ. Само собою разумѣется, что я не отступлюсь и теперь отъ своего обѣщанія. Я позабочусь о томъ, чтобъ вы могли уѣхать отсюда и посмотрѣть, что дѣлается на свѣтѣ, чтобъ вы могли учиться всему тому, что васъ особенно интересуетъ,—жить въ спокойной и независимой обстановкѣ. Ваше дальнѣйшее будущее я тоже обезпечу, Болетта, потому что во мнѣ вы всегда будете имѣть добраго, вѣрнаго, надежнаго друга. Не сомнѣвайтесь въ этомъ!

Болетта. О, Воже, но, господинъ Арихольмъ, вѣдь все это сдѣлалось теперь невозможно.

Арихольмъ. Неужели и это невозможно?

Болетта. Ну, да, судите сами! Послѣ того, что вы сказали мнѣ и послѣ того отвѣта, который я дала вамъ... О, вы сами понимаете, что теперь я никакъ не могу принять отъ васъ такой громадной жертвы! Ничего, рѣшительно ничего въ мнѣ не могу я принять отъ васъ. Никогда послѣ этого!

Арихольмъ. Такъ вы предпочитаете оставаться здѣсь, чтобы жизнь прошла мимо васъ?

Болетта. О, какъ тяжело, какъ ужасно подумать объ этомъ!

Арихольмъ. Неужели вы хотите отказаться отъ возможности взглянуть на широкій бѣлый свѣтъ? Отказаться отъ возможности сдѣлаться участницей всего того, къ чему, по вашимъ собственнымъ словамъ, вы такъ страстно стремитесь? Знать, что существуетъ такъ безконечно много интересующихъ васъ вещей и тѣмъ не менѣе никогда не получить правильного понятія о нихъ! Подумайте хорошенько объ этомъ, Болетта!

Болетта. Конечно, конечно, вы совершенно правы, господинъ Арихольмъ.

Арихольмъ. А потомъ, когда вашего отца не станетъ, и вы, быть можетъ, увидите себя безпомощной и одинокой въ дѣломъ мнѣ! Или же будете вынуждены выйти замужъ за другаго, къ которому пожалуй тоже не будете питать расположенія!

Болетта. О, да, я вижу, сколько правды во всемъ, что вы говорите. Но все-таки! Или пожалуй...

Арихольмъ (*постынно*). Ну?

Болетта (*смотритъ на него въ нерешимости*). Пожалуй это не такъ ужъ невозможно.

Арихольмъ. Что собственно, Боллетта?

Болетта. Принять, согласиться на... на то, что вы предложили мнѣ.

Арихольмъ. Вы хотите сказать, что можете быть, вы все-таки рѣшитесь? Что вы, по крайней мѣрѣ, не откажете мнѣ въ удовольствіи поночь вамъ въ качествѣ преданнаго друга?

Болетта. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Это ни за что на свѣтѣ! Это было бы теперь совсѣмъ, совсѣмъ невозможно! Нѣтъ, господниъ Арихольмъ, лучше ужъ я пойду за васъ.

Арихольмъ. Болетта! Такъ вы согласны!

Болетта. Да, я думаю, что да.

Арихольмъ. Вы, значитъ, все-таки согласны сдѣлаться моей женой?

Болетта. Да. Если вы еще думаете, что... что можете жениться на мнѣ.

Арихольмъ. Думаю-ли я! (*Беретъ ея руку.*) О, благодарю, благодарю васъ, Болетта! То, что вы раньше говорили, ваши прежнія колебанія, все это ничуть не пугаетъ меня. Если ваше сердце и не вполне принадлежитъ мнѣ теперь, то я съумѣю завоевать его. О, Болетта, я васъ буду на рукахъ носить!

Болетта. И я увижу широкій бѣлый свѣтъ. Буду жить настоящею жизнью. Вы обѣщали мнѣ это.

Арихольмъ. И я сдержу свое слово.

Болетта. И вы позволите мнѣ учиться всему тому, что меня интересуетъ.

Арихольмъ. Я самъ буду вашимъ учителемъ, какъ въ былое время, Болетта. Вспомните послѣдній годъ вашей школьной жизни.

Болетта (*тихо, углубившись въ себя*). Подумать только, что я буду свободна и уйду въ дальніе края! Не буду вѣчно тревожиться за свое будущее! Избавлюсь отъ гнета этихъ пошлыхъ житейскихъ заботъ!

Арихольмъ. Нѣтъ, вамъ никогда не придется задумываться о подобныхъ вещахъ. И не правда-ли, моя дорогая Болетта, это вѣдь тоже приятно? Что вы скажете?

Болетта. Да. Дѣйствительно такъ. Это совершенно вѣрно и справедливо.

Арихольмъ (*обнимая ее за талію*). О, вы увидите, какъ славно и уютно мы съ вами устроимся! И какія хорошія, какія спокойныя и довѣрчивыя отношенія установятся между нами, Болетта!

Болетта. Да, я тоже надѣюсь. Я думаю, что пожалуй я въ самомъ дѣлѣ все будетъ хорошо. (*Смотритъ на него и вырывается изъ его объятий.*) Ахъ! Ради Бога ничего не говорите!

Арихольмъ. Что такое, дорогая?

Болетта. Ахъ, это бѣдный... (*указывая на него*). Посмотрите туда.

Арихольмъ. Вашъ батюшка?

Болетта. Нѣтъ, молодой скульпторъ. Это онъ идетъ съ Хильдой.

Арихольмъ. А, Лингстранъ! Что же съ нимъ такое случилось?

Болетта. О, вѣдь вы знаете, какъ онъ слабъ и плохъ здоровьемъ.

Арихольмъ. Да, если только это не одно воображеніе.

Болетта. О нѣтъ, это сухая правда. Ему навѣрно не долго осталось жить. Но пожалуй это и лучше для него.

Арихольмъ. Дорогая моя, почему же это можетъ быть лучше для него?

Болетта. Ну да, потому что... потому что, все равно изъ его таланта навѣрно ничего не выйдетъ. Уйдемте отсюда, пока они еще не подошли.

Арихольмъ. Да, да, пойдите, моя дорогая Болетта.

(Хильда и Лингстранъ *показываются у пруда*).

Хильда. Пойдите, пойдите, господа! Развѣ же вы не хотите подождать насъ?

Арихольмъ. Мы лучше пойдѣмъ впередъ съ Болеттой. (*Онъ и Болетта уходятъ на лѣво.*)

Лингстранъ (*съ тихимъ смѣхом*). Здѣсь ужасно весело во время сезона. Всѣ рѣшительно ходятъ попарно. Постоянно по двое, не иначе.

Хильда (*смотритъ имъ вслѣдъ*). Я готова держать пари, что онъ въ эту минуту дѣлаетъ ей предложеніе.

Лингстранъ. Вотъ какъ! Развѣ вы замѣтили что-нибудь такое?

Хильда. Еще-бы! Да это и не трудно замѣтить, если только глаза есть.

Лингстранъ. Но фрѣкенъ Болетта не пойдетъ за него. Я твердо въ этомъ увѣренъ.

Хильда. Конечно не пойдетъ. Потому что она находитъ, что онъ страшно постарѣлъ. И потомъ она думаетъ, что скоро онъ сдѣлается вдобавокъ совсѣмъ лысымъ.

Лингстранъ. Ну, не изъ-за этого только. Она все равно не пошла-бы за него.

Хильда. Откуда вы это знаете?

Лингстранъ. Знаю, потому что она обѣщала другому думать о немъ.

Хильда. Только думать?

Лингстранъ. Да, въ его отсутствіе.

Хильда. А, такъ вѣроятно вы сами тотъ человекъ, о которомъ она должна думать!

Лингстранъ. Можетъ быть вы и угадали.

Хильда. Она вамъ обѣщала это?

Лингстранъ. Да, представьте себѣ,—она мнѣ это обѣщала! Но только не говорите ей, что вы знаете объ этомъ.

Хильда. Сохрани меня Боже! Я буду нѣма, какъ рыба.

Лингстранъ. Я нахожу, что это ужасно нило съ ея стороны.

Хильда. А потомъ,—когда вы вернетесь сю-

да,—вы тогда обручитесь съ ней? И жени-
тесь на ней?

Лингстранъ. Нѣтъ, это было-бы неподхо-
дящее дѣло. Потому что первые годы мнѣ
нелзя и думать ни о чемъ подобномъ... А
потомъ, когда мнѣ наконецъ можно будетъ
жениться, ваша сестра будетъ, мнѣ кажется,
немножко стара для меня.

Хильда. И все-таки вы хотите, чтобъ она
все это время о васъ думала?

Лингстранъ. Да, потому что это будетъ
такъ полезно для меня! Для меня, какъ ху-
дожника, вы понимаете? А ей такъ легко это
сдѣлать! Вѣдь у нея самой нѣтъ настоящаго
призванія въ жизни... Но, тѣмъ не менѣе, это
очень мило съ ея стороны.

Хильда. Вы надѣетесь, что ваше художест-
венное произведеніе будетъ быстрѣе подвигать-
ся впередъ, если вы будете знать, что Болет-
та о васъ думаетъ?

Лингстранъ. Да, мнѣ такъ представляется.
Видите-ли, знать, что гдѣ-то далеко молодая,
прелестная, молчаливая женщина втайнѣ меч-
таетъ о васъ... Мнѣ кажется, что это должно
быть такъ, такъ... я право не знаю, какъ
это выразить.

Хильда. Можетъ быть вы хотите сказать...
завлекательно?

Лингстранъ. Завлекательно? О да, я хочу
сказать, что это завлекательно. Или что-ни-
будь въ этомъ родѣ. (*Пристально вглядыва-
ется въ нее.*) Вы такъ уны, фрэкенъ
Хильда, вы просто необыкновенно уны! Ко-
гда я вернусь на родину, вы будете прибли-
зительно такихъ-же лѣтъ, какъ теперь ваша
сестра. Можетъ быть, вы тогда и лицомъ бу-
дете походить на вашу сестру. А можетъ быть
и характеръ у васъ будетъ тогда такой-же,
какъ у нея. Можетъ быть, вы будете пред-
ставлять и самое себя и ее въ одномъ, такъ
сказать, образѣ.

Хильда. А вы-бы желали этого?

Лингстранъ. Право не знаю... Да, я ду-
маю почти, что желалъ-бы. Но теперь... на
это лѣто... я предпочелъ-бы, чтобъ вы оста-
лись только сами собою. И точь въ точь та-
кою, какъ вы есть.

Хильда. Развѣ такъ я вамъ больше нрав-
люсь?

Лингстранъ. Да, вы мнѣ страшно нрави-
тесь такъ, какъ вы есть.

Хильда. Ги... скажите мнѣ... какъ худож-
никъ... нравится вамъ, что я всегда ношу
свѣтлыя лѣтнія платья?

Лингстранъ. Да, по-моему, это прелестно.

Хильда. Такъ по-вашему свѣтлыя цвѣта
мнѣ къ лицу?

Лингстранъ. Да, на мой взглядъ, вы просто
очаровательны въ свѣтломъ.

Хильда. Но скажите мнѣ... какъ худож-

никъ... какъ вы думаете, хороша была-бы я
въ черномъ?

Лингстранъ. Въ черномъ. фрэкенъ Хильда?
Хильда. Да, совсѣмъ въ черномъ. Какъ вы
думаете, это было-бы мнѣ къ лицу?

Лингстранъ. Черный цвѣтъ, собственно го-
вора, не годится для лѣтнаго времени. Впро-
чемъ, къ вамъ навѣрное и черный цвѣтъ за-
мѣчательно шелъ-бы. Именно къ вамъ, съ ва-
шей наружностью.

Хильда (*устремивъ взоръ въ простран-
ство*). Вся въ черномъ, съ головы до ногъ...
черный крекъ у ворота... черныя перчатки...
и сзади длинный черный вуаль.

Лингстранъ. Если-бы вы такъ одѣлись, фрэ-
кенъ Хильда, то я пожелалъ-бы быть живо-
писцемъ... и нарисовалъ-бы молодую прелест-
ную вдову въ траурѣ.

Хильда. Или молодую невѣсту въ траурѣ?

Лингстранъ. Да, это еще лучше подошло-
бы къ вамъ. Но вѣдь вы врядъ-ли пожелали-
бы надѣть на себя такой костюмъ?

Хильда. Я право не знаю. Но мнѣ кажет-
ся, что это интересно.

Лингстранъ. Интересно?

Хильда. Да, интересно представить себѣ
это. (*Ворухъ указываетъ на живо.*) Посмо-
трите, посмотрите-ка туда!

Лингстранъ (*смотритъ въ ту сторону*).
Англійскій пароходъ! И совсѣмъ близко, у са-
мага моста!

(*Вангель и Эллида показываются у пруда*).

Вангель. Нѣтъ, нѣтъ, увѣряю тебя, дорогая
Эллида.. ты ошибаешься! (*Замѣтивъ Хиль-
ду съ Лингстраномъ.*) А, и вы здѣсь! Не
правда-ли, господинъ Лингстранъ... его еще
не видать?

Лингстранъ. Вы говорите объ англійскомъ
пароходѣ?

Вангель. Ну да!

Лингстранъ (*указывая на фьордъ*). Онъ
уже здѣсь, господинъ докторъ.

Эллида. Ахъ..! Я знала это!

Вангель. Онъ пришелъ!

Лингстранъ. Пришелъ, можно было-бы ска-
зать, какъ татъ въ ночи, такъ тихо, беззвучно...

Вангель. Проведите Хильду черезъ мостъ.
И торопитесь! Ей вѣрно хочется послушать
музыку.

Лингстранъ. Да, мы какъ разъ собирались
идти туда, господинъ докторъ.

Вангель. Мы тоже, можетъ быть, прядемъ
потомъ. Немного погоды.

Хильда (*шепчетъ Лингстрану*). Вотъ и
еще парочка!

(*Она и Лингстранъ уходятъ черезъ садъ
на живо.*)

(*Во время слѣдующихъ сценъ съ фьорда
доносится духовая музыка.*)

Элида. Пришелъ! Онъ здѣсь! Да, да.. я это чувствую!

Вангель. Тебѣ лучше было-бы пойти доной, Элида. Позволь мнѣ одному переговорить съ нѣмъ.

Элида. О... это невозможно! Невозможно, говори мнѣ! (*Испускаетъ крикъ.*) Агъ... видишь ты его, Вангель!

(Незнакомецъ подходитъ слева и останавливается на тропинкѣ за садовой изгородью.)

Незнакомецъ (*кланяется*). Добрый вечеръ. Вотъ я и опять пришелъ, Элида.

Элида. Да, да, да... часъ насталъ.

Незнакомецъ. Что-же, готова ты къ отъѣзду, или нѣтъ?

Вангель. Вѣдь вы сами отлично видите, что она не готова.

Незнакомецъ. Я спрашиваю ее не о дорожныхъ платьяхъ или о чемъ-нибудь подобномъ, а не объ увязанныхъ чемоданахъ. Все, что ей понадобится во время путешествія, все это есть у меня на кораблѣ. О каютѣ для нея я тоже позаботился. (*Къ Элидѣ.*) И такъ, я спрашиваю тебя, готова-ли ты послѣдовать за мною... послѣдовать за мной по доброй волѣ?

Элида (*умоляющимъ тономъ*). О, не спрашивайте, не искушайте такъ меня!

(*Въ отдаленіи слышится звонокъ съ парохода.*)

Незнакомецъ. Вотъ первый звонокъ на пароходѣ. Теперь ты должна сказать да или нѣтъ.

Элида (*ломаетъ руки*). Рѣшеніе! Рѣшеніе на всю жизнь! Никогда нельзя будетъ пережить его!

Незнакомецъ. Никогда! Черезъ полчаса будетъ уже поздно.

Элида (*смотритъ на него робко и нѣмло*). Почему вы такъ неотступно ищете моей любви?

Незнакомецъ. Развѣ ты не чувствуешь такъ же, какъ и я, что мы должны принадлежать другъ другу?

Элида. Въ силу той клятвы, хотите вы сказать?

Незнакомецъ. Клятвы никого не связываютъ — ни мужчину, ни женщину. Если я такъ неотступно ищу твоей любви, то потому, что не могу иначе.

Элида (*тихимъ, трепещущимъ голосомъ*). Почему не явились вы раньше?

Вангель. Элида!

Элида (*внезатно вскрикиваетъ*). О этотъ человекъ, — какъ онъ влечетъ, и манитъ, и зоветъ — въ невѣдомую даль! Всѣ чары моря соединились въ немъ одною! (*Незнакомецъ перемѣняется черезъ садовую изгородь.*)

Элида (*прячется за Вангеля*). Что это? Чего вы хотите?

Незнакомецъ. Я вижу — и слышу изъ твоихъ словъ, Элида, — въ концѣ концовъ ты все-же выберешь меня.

Вангель (*заступаетъ ему дорогу*). У моей жены нѣтъ здѣсь выбора. На нѣтъ лежатъ обязанность и выбирать за нее... и защищать ее. Да, защищать! Если вы не удалитесь отсюда, — не оставите этой страны, — чтобы никогда больше сюда не возвращаться, — знаете-ли вы, чему вы въ такомъ случаѣ подвергаетесь?

Элида. Нѣтъ, нѣтъ, Вангель, только не это!

Незнакомецъ. Что же вы сдѣлаете со мной?

Вангель. Я велю арестовать васъ... какъ преступника! Не медля ни минуты. Прежде чѣмъ вы успѣете взойти на пароходъ! Потому что нѣтъ все извѣстно на счетъ убійства въ Скъольдвикѣ.

Элида. О, Вангель, какъ можешь ты?

Незнакомецъ. Я ожидалъ этого. А потому (*вынимаетъ изъ бокового кармана револьверъ*), вотъ что я захватилъ съ собою.

Элида (*бросается впередъ и закрываетъ собою Вангеля*). Нѣтъ, нѣтъ не убивайте его! Лучше меня убейте!

Незнакомецъ. Я не убью ни тебя, ни его. Будь спокойна. Этотъ револьверъ я взялъ для самого себя. Потому что я хочу жить и умереть свободнымъ.

Элида (*съ возрастающимъ волненіемъ*).

Вангель! Дай мнѣ сказать тебѣ одну вещь, сказать ее такъ, чтобы и онъ ее слышалъ! Ты, конечно, можешь удержать меня здѣсь! На это ты имѣешь и власть, и средства! И ты конечно это и сдѣлаешь! Но моихъ чувствъ, всѣхъ моихъ мыслей, всѣхъ моихъ непреодолимыхъ стремленій и желаній, изъ ты не можешь связать! Они будутъ увлекать и толкать меня въ тотъ невѣдомый міръ, для котораго я была создана и доступъ къ которому ты мнѣ закрылъ!

Вангель (*съ тихой скорбью*). Я знаю, знаю это, Элида! Шагъ за шагомъ ты ускользаешь отъ меня. Твои порывы къ безпредѣльному и безконечному... и къ недостижимому въ концѣ концовъ повергнутъ душу твою въ непроницаемый мракъ.

Элида. Да, да. Я это чувствую, словно черныя крылья безшумно вѣютъ надо мной!

Вангель. Но этому не бывать! Для тебя нѣтъ иного спасенья. Я, по крайней мѣрѣ, другаго исхода не вижу. А потому... а потому я тутъ-же расторгаю сдѣлку. Теперь ты можешь избрать свой путь совсѣмъ, совсѣмъ свободно.

Элида (*стоитъ съ опущенными, устремленными на него неподвижнымъ взоромъ*). Это правда, правда, — то, что ты сказалъ? Ты говоришь это отъ чистаго, отъ искренняго сердца?

Вангель. Да, отъ всей глубины своего истерзаннаго сердца говорю я это.

Элида. И ты можешь пойти на это? Можешь это допустить?!

Вангель. Да, могу. Могу, потому что такъ сильно люблю тебя.

Элида (*тихимъ, трепещущимъ голосомъ*). Неужели такъ глубоко, и такъ беззаветно любилъ ты меня!

Вангель. Это сдѣлали годы и совѣстная жизнь.

Элида (*всплеснувъ руками*). А я, какъ мало обращала я на это вниманія!

Вангель. Твои мысли были не на то направлены.—Но, значить, теперь, теперь ничто рѣшительно не связываетъ тебя со мной, и съ моимъ домомъ, и съ моею семьею. Теперь твоя собственная, истинная жизнь можетъ снова войти въ свою настоящую колею. Потому что теперь ты можешь выбирать свободно. И подѣ собственной отвѣтственностью, Элида.

Элида (*хватается за голову и смотритъ неподвижно на Вангеля*). Свободно, и подѣ отвѣтственностью! И подѣ отвѣтственностью тоже? Это,—это предвѣщаетъ переворотъ!

(*Съ парохода раздается второй звонокъ*).

Незнакомецъ. Слышишь, Элида! Это звонятъ въ послѣдній разъ! Иди же!

Элида (*повертывается къ нему, пристально смотритъ на него и говоритъ твердымъ голосомъ*). Никогда послѣ этого не пойду я за вами!

Незнакомецъ. Не пойдешь!

Элида (*прижимается къ Вангелю*). О, никогда послѣ этого я тебя не покину!

Вангель. Элида! Элида!

Незнакомецъ. Значить, конечно?

Элида. Да! Конечно на вѣки!

Незнакомецъ. Я вижу. Здѣсь есть нѣчто, что сильнѣе моей воли.

Элида. Ваша воля не имѣетъ больше ни малѣйшей власти надо мною. Вы для меня теперь мертвецъ, который вернулся на землю изъ морской глубины и снова долженъ туда погрузиться. Но я васъ больше не страшусь. А ваше обаяніе тоже исчезло.

Незнакомецъ. Прощайте, другъ! (*Перепрыгиваетъ черезъ изгородь*.) Отвѣтъ вы для меня ничто иное, какъ пережитое мной кораблекрушеніе. (*Онъ уходитъ на тѣло*.)

Вангель (*безмолвно смотритъ на нее*). Элида! Твоя душа словно море. Въ ней есть и приливъ, и отливъ. Откуда этотъ переворотъ?

Элида. О, развѣ ты не понимаешь, что переворотъ совершился, что переворотъ долженъ былъ совершиться, когда я получила свободу выбора!

Вангель. А невѣдомый міръ, онъ больше не влечетъ тебя?

Элида. И не влечетъ, и не пугаетъ. Я мог-

ла заглянуть въ него, могла-бы проникнуть въ него, еслибъ только сама захотѣла. Я могла избрать его теперь. Поэтому могла и отказаться отъ него.

Вангель. Я начинаю понимать тебя, мало-по-малу. Ты мыслишь и чувствуешь образамъ и видимыми представленіями. Твоя неудержимая тоска по морю, твое влеченіе къ этому незнакомцу были выраженіемъ проснувшейся въ тебѣ и все возраставшей потребности свободы. Не иначе!

Элида. О, я не знаю, что сказать на это. Но ты былъ для меня хорошимъ врачомъ. Ты нашелъ и отважился употребить настоящее средство, единственное средство, которое могло мнѣ помочь.

Вангель. Да, только въ крайней бѣдѣ и опасности рѣшаемся мы, врачи, на такія отчаянныя средства. Но теперь ты, значить, вернешься ко мнѣ, Элида?

Элида. Да, дорогой мой, неизмѣнный Вангель, теперь я вернусь къ тебѣ. Теперь я могу вернуться. Потому что теперь я приду къ тебѣ свободно, по доброй волѣ, и подѣ своей отвѣтственностью.

Вангель (*любовно смотритъ на нее*) Элида! Элида! О, представить себѣ только, что теперь мы можемъ всецѣло жить другъ для друга!

Элида. И жить общими воспоминаніями. Какъ мои, такъ и твоими.

Вангель. Да, не правда-ли, радость моя!

Элида. И для нашихъ двухъ дочерей, Вангель.

Вангель. Нашихъ, говоришь ты!

Элида. Для дѣтей, пока еще чужихъ мнѣ, но любовь которыхъ я съужью завоевать.

Вангель. Нашихъ! (*Радостно бросается цѣловать ея руки*). О, невыразимо благодарю тебя за это слово!

(Хильда, Баллестедъ, Лингстранъ, Арнхольмъ и Болетта входятъ съ лѣвой стороны въ садъ. Въ то же время на тропинкѣ за изгородью показывается городская молодежь и сезонные посетители).

Хильда (*стололоса Лингстрану*). Посмотрите, посмотрите-ка на папу и на нее! Они совсѣмъ какъ женихъ съ невѣстой!

Баллестедъ (*слышавшій это*). Лѣтнее время, милая барышня!

Арнхольмъ (*смотритъ на Вангеля и на Элиду*). Англійскій пароходъ отчаливаетъ.

Болетта (*подходитъ къ изгороди*). Отсюда овъ всего лучше видѣвъ.

Лингстранъ. Послѣдній рейсъ въ этомъ году.

Баллестедъ. Скоро заикнутся всѣ проливы, какъ говоритъ поэтъ. Это грустно, фру Вангель! А вотъ и съ вами намъ придется проститься на нѣкоторое время. Вѣдь завтра вы, какъ я слышалъ, уѣзжаете въ Скъольдвикъ?

Вангелъ. Нѣтъ, она не побѣдетъ. Мы теперь передумали.

Арихольмъ (смотритъ поочередно то на насъ, то на Элиду). А! въ самомъ дѣлѣ? Болетта (выступаетъ впередъ). Папа, это правда?

Хильда (обращаясь къ Элидѣ). Такъ ты же-таки останешься съ нами!

Элида. Да, милая Хильда, если только ты согласишься, чтобъ я осталась.

Хильда (смѣясь сквозь слезы). О, подумайте, иду-ли я!

Арихольмъ (Элидѣ). Но вѣдь это настоящій сюрпризъ!

Элида (улыбается, потомъ говоритъ серьезно). Да, видите-ли, господинъ Арихольмъ, помните, мы вчера еще говорили объ этомъ? Кто разъ попалъ на твердую землю и сдѣлался ей

обитателемъ, тому ужъ не найти дороги обратно къ морю и къ морской жизни.

Баллестедъ. Но вѣдь это точь въ точь исторія моей ундины.

Элида. Да, приблизительно.

Баллестедъ. Съ той только разницей, что ундину это приводитъ къ смерти. Люди же, наоборотъ, могутъ акклиматизироваться. Да, да, увѣрю васъ, фру Вангелъ, они могутъ акклиматизироваться!

Элида. Да, на свободѣ, господинъ Баллестедъ!

Вангелъ. И подъ своей ответственностью, дорогая Элида.

Элида (истинно протягиваетъ ему руку). Да, именно такъ!

(Большой пароходъ безшумно скользитъ по фьорду. Музыка раздается ближе къ берегу.)